

МИХАИЛ СЕРГЕЕВ

THE COLISEUM

I

Михаил Сергеев

«The Coliseum» (Колизей). Часть 1

«Автор»

2014

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Сергеев М.

«The Coliseum» (Колизей). Часть 1 / М. Сергеев — «Автор»,
2014

ISBN 978-5-91366-860-8

Эту трогательную историю о двух девочках, лет двенадцати, поведал мне «очарованный странник». Откройте первую страницу, и вы... останетесь с ними уже до конца.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-91366-860-8

© Сергеев М., 2014
© Автор, 2014

Содержание

МАНЕКЕН	6
ПОЛИНА	13
ЛЕНА	21
ЯПОНЕЦ	29
АНДРЕЙКА	31
ЖЕНСКИЕ ШАЛОСТИ	50
ОТЕЦ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Михаил Сергеев
THE COLISEUM
Часть I

События, имена и фамилии в романе вымышлены.

Все совпадения случайны.

МАНЕКЕН

*Ничьим лицом не насыщай очей своих.
Преподобный Исаак Сирин*

«Я знал, Андрей, что ты не выдержишь...» Лист задрожал у молодого человека в руках.

«Не важно, сколько времени прошло (я ведь не представляю, что случилось со мной), но с момента даты на письме всё, о чем прочтешь, будет действительно год и один месяц. Потом сроки истекут. Можете не ждать...» Парень придвинул лампу поближе.

«Мужчины одинаковы. Ты женился на моей дочери, я полюбил тебя как сына... редко встретишь порядочного человека, да еще среди близких. Вы для меня всё. Потому и допускаю, что однажды последуешь туда же. Полагаю, разные «однажды» случаются со всеми, но со мною «это» случилось... много лет назад и стало семейной тайной. Я был в командировке десять дней. Не звонил, не давал о себе знать. Жена не находила места. Сколько лет после, «безмолвие» аукалось мне. Во внимание не принималось ничего, даже то, что домой меня отправили из Петербурга врачи. Они просто подобрали человека на вокзале. Пассажиры обратили внимание на сидящего неподвижно несколько часов. В кармане нашли билет до Москвы. То был твой тесть. Позвонили жене и не найдя никакой патологии, а на вопросы, хотя и односложно, я уже отвечал, посадили в поезд. В Москве меня встретили. Через неделю начал есть. Но седина не прошла. Уже никогда. Представь, что я мычал в свое оправдание – ведь правды сказать не мог. Нет, я сказал бы, будь хоть шанс из миллиона, что поверят. А может, и нет... жалеть близких не просто слова. Если бы жена, дочь знали, куда была та командировка... Через год я написал книгу. Никто не видел её. Если ты читаешь эти строки, рукопись перед тобой. С письма и начинается. Проверь – первый и титульный листы склеены... значит, никто не прикасался. Иначе ты не одинок...»

Молодой человек осторожно придвинул книгу. Два листа не раскрывались. Он быстро перевел глаза на письмо.

«Но раз решился, у тебя два пути. Первый – дочитать и бросить затею. Книгу можете издать. Но подумайте. Триста тридцать три раза подумайте. Вдруг найдется тот, который поверит. Не в сроки, а в возможность. Второй – командировка. Но вернуться оттуда нельзя. То, что произошло со мной тогда – удивительное чудо, другого объяснения нет. Почему я оказался на вокзале, как попал, что произошло в последние мгновения – не помню. Зато помню всё до того. Всё. Забыть такое нельзя. Даже при полной потере памяти в старости. Потому что это уже не память, а часть живущего с тобой. Думаю и после смерти.

Итак, я побывал в «Колизее». Не в том, известном из брошюр, где русские оставляют недопитый коньяк в нишах, как и дурил в молодости сам, а в настоящем. Весь мир – чудовищный Колизей. Где одни убивают, насилуют и топчут... другие наслаждаются зрелищем, но все проклинают третьих за неучастие в празднике. Мир не объять, но есть место, где можно увидеть всё и одновременно. Помнишь картину «Последний день Помпеи»? Вопль и стоны, камни, пламя, младенцы... молнии и любовь... но и надежда, надежда. Её призрачная вуаль... в центре. Именно в ней всё дело. Клянусь, Брюллов тоже побывал там. Никогда, слышишь, никогда не стой перед картиной слишком долго. Не позволяй этого делать никому из семьи.

Но оставим эмоции. Как я узнал о «Колизее», как нашел путь – история длинная, да и ненужная тебе, ибо все ключи мне известны. И работают они, повторяю, всего тринадцать месяцев. Почему именно столько? Не знаю. Думаю, что их всегда тринадцать. Только один месяц мы проводим не здесь. И ключи я получил, заглянув оттуда в еще ненаписанный роман... Впрочем, отвлекся. Время без-жалостно... а, может, и спасительно. Необходимо одно – срок этот должен пройти... потом книгу можно читать не опасаясь. Кто и захотел бы, не попадет.

Хотя... это та же призрачная вуаль... Но довольно! Шаг, который я должен сделать, и как должен сделать – единственный шанс. Если кто-то наверху правильно рассчитал, если меня не обмануло предчувствие... всё закончится хорошо. Мы снова будем вместе. Все. Но я обязан, не впуская никого, повторить пройденное. Уверен. Как и в том, что знаю, где моя дочь».

Андрей на секунду задумался. Он сегодня видел жену в полном здравии. Но тут же строки понеслись дальше.

«А перед тобой сейчас выбор из выборов. Подумай о матери. О жене. Больше не о ком думать. Обратно в «обойму» вернешься, если откажешься. Если сожжешь письмо и за-будешь – заживешь нормальной жизнью. Поверь, именно нормальной. Быть хорошим мужем и отцом не самая легкая задача по вашу сторону. И достойная. Да еще с испытанием, что выпало на твою долю. Не руби сразу, возьми паузу. Ждать – лучшее решение. Запомни, лучшее из лучших! Но если решишься...»

Строки запрыгали перед глазами.

«Каждый понедельник, ровно в полночь, самый левый от входа электронный терминал на Ленинградском вокзале выдает один бесплатный билет. Вокзал далеко от места, где ты живешь... и в этом тоже моя надежда... В строке «пункт назначения» нужно лишь указать: «Колизей». И помни, Виктор Викторович – настоящий друг.

Твой тесть».

* * *

Две девочки, на вид лет двенадцати, Лена и Полина, торопились в кинотеатр. Нет, они не собирались сегодня в кино, просто так случилось, как это иногда бывает в субботу. Однако случилось всё не просто так. Да и суббота была необычной.

Полина, чуть более рассеянная из подруг или, как говорила мама, более романтическая, нежели сама в ее возрасте, шла в гости к Лене. Всю неделю они строили планы на выходные, которым, впрочем, сбыться было не суждено. Подруга жила в квартале от нее, и потому прежде Полина должна была пройти аптеку, продуктовый магазин, перекресток и еще несколько бутиков, названия которых менялись слишком часто, чтобы их помнить. У витрины одного из них она остановилась. Там, за стеклом, боком к ней стоял красивый мужчина в зеленом пиджаке с золоченым вензелем слева. Манекен, надменно откинув голову назад, протягивал руку женщине в ослепительно белом платье, которая стояла на одном колене и, слегка прикрыв глаза ладонью, тянулась к соседу, будто прося о чем-то. С левого плеча свисала странного вида бархатная накидка, того же зеленого цвета, что и пиджак. Приглядевшись, Полина заметила вензель и на ней. «Как у пажей» – мелькнула мысль. Дизайнер, развлекаясь и фантазируя, не отказал себе в удовольствии подобрать не только верное сочетание тонов, но, что и смутило девочку, расположить их в необычных позах. «Странно, – думала она, – должно быть наоборот – всегда на колене мужчина. – Полина, уже представляла себя, той с накидкой. И, конечно же, в таком платье. Вообще, наша героиня была хорошей фантазеркой. Да и в кино подобное видела не раз. – И почему не так здесь?»

Непривычная картина не укладывалась в то, что девочка знала, чему учили родители, детские книжки и фильмы. Так бы она и стояла неизвестно сколько, если б не дождь. За какую-то минуту он превратился в ливень, и Полина, надеясь сначала переждать непогоду на крыльце, забежала в магазин. Откуда-то из глубины лилась песня Белки «Ключицы»: «И будет дождь, дождь, дождь... в моих ресницах...» – девочка, подпевая, медленно двинулась вперед. Ей нравился клип, особенно шляпка певицы. Она даже раскопала в «сетях» кто был стилистом – Юлия Мишина. Полина уже мечтала, что когда-нибудь и она... Но это будет когда-нибудь, а сейчас... Маленькая гостья еще раз огляделась и осторожно направилась к манекенам. Посетителей не было. В выходной день мало кто горел желанием вставать рано. Миновав вешалки с блузами,

куртками и чуть коснувшись ремней, которые болтались попеременно с поясами, девочка звонком пряжек нарушила ровное течение музыки. «Динь-дон, динь-дон» – утихая, пропели пояса вслед. Тут Полина заметила, что одна из ламп над головой мигает. Свет то прерывался, то вспыхивал опять, создавая лишь иллюзию своего присутствия. Опустив взгляд, она увидела вблизи манекены, те самые. Еще пара шагов – и Полина присела, стараясь заглянуть женщине в глаза. Красивое лицо ничего не выражало, но глаза... глаза смотрели с загадочной усмешкой, говоря: «Ну, что? Хочешь стать такой же? Еще долго ждать... очень долго...»

Девочка хотела уже подняться, но обратила внимание на желтую бумажку, которую мужчина протягивал даме с накидкой. «Не это ли она просит?» Любопытство подступило с такой силой, с какой возможны вообще искренние чувства в столь юном возрасте. Удержаться было нельзя, Полина огляделась, встала на цыпочки и, осторожно вытянув бумажку, развернула. В руке было два обычных билета в кино. Но почему-то каждый с зеленой полосой по диагонали в виде латинских букв. Впрочем, это ее не интересовало. Снова оглядевшись, девочка повернулась, торопясь покинуть место преступления, и вдруг услышала:

– А разве можно? Брать чужое?

Голова манекена наклонилась вперед, качнулась из стороны в сторону, рот приоткрылся, и улыбка обнажила белый ряд зубов.

– Ой! – вскрикнула маленькая шалунья, понимая, что уличена. – Я случайно... я только хотела...

– Не бойся. Ты сделала правильно. Но запомни – обманывать других плохо. Себя – можно. Многие так и поступают. Не замечая. Ведь лишь тогда увидишь бал «пылающих». – Он медленно повернулся к ней, продолжая улыбаться. – Верь, цена стоит того.

– Бал «пылающих»?

– Бал, на который стремятся всю жизнь. Если вести себя именно так – отдаваться в плен ослепительным нарядам, маскируя изъяны, и вовсе не тела, а желаний. Потом научиться скрывать мысли – ведь они только твои! И лишь затем перейти к лицу, занимаясь уже маской... оно снова будет молодым, как у меня...

Мужчина слегка коснулся пальцами щеки и добавил:

– Но всё тщетно... обманывать можно только себя. И по-верь... это неслыханное удовольствие! Как и аплодисменты.

– Аплодисменты?!

– Хотя, лицемерны, – поправился он и усмехнулся. – А вопрос твой не по годам... Похвала лишь наряд, скрывающий правду. Восхищение рождает зависть. Не увернуться. Та, в свою очередь – ненависть. Нарядов много. Но однажды огонь...

– Почему... огонь?... – перебила и тут же испугалась удивленная Полина.

– Герцог Орлеанский поджег факелом наряды своих подданных. С того и пошло...

– Зачем? И кто поджигает... сейчас? – замерев и уже не думая о смысле, прошептала девочка.

– Герцог помер давным-давно, унеся тайну. Но показал... конец, положив начало, – манекен поднял руку и погрозил кому-то. – Людям понравилось. Сейчас поджигают сами.

Полина машинально перевела взгляд на женщину.

– Хочешь быть такой же? – спросил мужчина и снова улыбнулся, кивнув на соседку. – Такой же красивой, элегантной? Понимаю. Хочешь быстрее стать взрослой? Я подарю тебе лучшее платье и чудные мгновения. Ты станешь ею, оставаясь собой, – стоявший опять кивнул на женщину в белом, – и равных на балу не будет.

Девочке вдруг показалось, что дама сдвинула ладонь и зло посмотрела на нее.

– На балу? Я не хочу туда.

– Воля твоя. Можешь просто побыть взрослой. Испытай... почувствуй себя феей. Всего-то сеанс. Пылать или нет – решишь потом. Договорились? Договорились? – повторил мужчина.

Все произошло так быстро и неожиданно, что Полина, находясь еще в замешательстве, но мыслями уже в вихре танцующих пар, на секунду замерла. Но лишь на секунду.

«Гляну... только глазком». – Очарование соблазном было слишком велико, и она прошептала:

– Хорошо.

– Тогда поспеши. Такого фильма не предлагал никто.

Губы манекена сомкнулись, голова откинулась назад.

Все встало на место... только не в жизни двух подруг.

– Девочка, ты одна? – раздалось позади.

Молодая сотрудница с приколотым именным пластиком на кофте недоуменно смотрела на нее.

– На улице был дождь... я хотела переждать...

– Понятно, – улыбнулась женщина, – торопись, пока разъяснилось.

«Завтра он уйдёт... больше не оставит лужи в душе...» – лилось ей вслед в третий раз. Видимо кому-то из персонала тоже нравилась песня Лены Князевой.

Высочив на улицу, Полина чуть не налетела на молодого человека с палочкой. Это был слепой.

– Торопитесь? – тихо произнес он.

Подруги часто видели его по дороге в школу. Однажды, наблюдая как гибкая, пожалуй, даже мягкая трость, легко ударяясь о препятствия, вела парня по подземному переходу, они услышали: «С рождения такой. Бедняга. А семья-то, семье-то как?» – Две сердобольные старушки смотрели вслед. Одна перекрестилась. Парень вдруг замер, повернул к ним лицо в черных очках, постоял и, вздохнув, побрел дальше. Не пошел, а именно побрел. Было видно, что слова огорчили его. Старушки суетливо удалились.

– Простите... – вырвалось у ошарашенной таким обращением Полины – никто еще не говорил ей «вы». Но ловкий и сообразительный ум девочки тут же нашел объяснение: «Он думает нас двое!»

– Нет... я принял вас за взрослую, – вдруг услышала она и в изумлении посмотрела на слепого.

– Вы ошиблись, – пролепетала Полина.

– Нет.

– Ошиблись, – упрямо повторила девочка и побежала дальше.

Её ум останется таким же и в тридцать, но сегодня лучше бы сообразительность и упрямство отказали. Как впрочем и много, много раз в жизни у нас с вами, дорогой читатель.

Через несколько минут она звонила в дверь квартиры на втором этаже высотного дома.

– Ты что? – Лена с удивлением смотрела на взъерошенную подругу.

– Я тебе все расскажу, только скорее одевайся, бежим в кино, а то опоздаем, – не могла отдышаться гостья.

– Мы же собирались...

– Здравствуйте, – выпалила девочка маме, которая появилась в прихожей.

– Здравствуй, Поля. Я услышала, планы меняются? А как же Андрейка? Вы, по-моему, собирались в цирк.

– Мне дали... у меня только два билета, – Полина виновато опустила голову.

– Ну, ма, в цирк можно и в другой раз... – протянула дочь, направляясь в детскую, – а если он позвонит...

– Обязательно скажу, что с такими девочками может договариваться только наивный оптимист. Так что не надейся. Какой хоть фильм? – обратилась она уже к подруге.

– Не знаю... – смутилась та, – очень необычный... говорят.

– Знаем мы эту необычность. Но будем надеяться, утренний сеанс не оправдает моих опасений. – Хозяйка квартиры улыбнулась и погладила уже одетую дочь по голове. – А сразу после сеанса домой, к нам, на пироги. Договорились? Договорились? – Настойчиво повторила она. Полина кивнула, вспомнив, что уже слышала такие слова.

– Ма, только с абрикосами! – плаксиво сощурилась Лена.

– Ладно, ступайте... У тебя странное выражение лица, – заметила мать, глядя на подругу и повторила: – Сразу после кино к нам.

Через минуту две девочки, на вид лет двенадцати, бежали в кинотеатр.

Запыхавшись, минуя стойки с мороженым и корном, они буквально натолкнулись на билетершу.

– Куда, куда летите как угорелые. Всё торопитесь, а куда, сами не знаете... – проворчала женщина в синей униформе, надрывая билеты.

– Знаем, в кино, – весело возразила Лена.

– Ну, ну... Многие верят, – та загадочно усмехнулась.

«Не успели они присесть, как свет погас, экран замерцал и на нем вспыхнуло: «Колизей».

– Слушай, а мы... одни! – прошептала Лена и тут же вцепилась в подругу... Но черта была уже пройдена: ряды стали вдруг поворачиваться, экран поплыл вправо, и через секунду в глаза им ударил свет проектора. Ни стен, ни кресел видно теперь не было.

– Класс! – Полина приложила ладонь ко рту.

Свет, заливая пространство вокруг, стал бирюзовым и волнистым, словно река. Неожиданно, где-то впереди, у самого источника зашевелились тени. Надвигаясь, они заслонили движением поток, прерывая гармонию начала и ожиданий.

– Я боюсь! – Лена прижалась к подруге сильнее и почувствовала, что та ответила тем же.

Однако тени росли и светлели, обретая человеческие очертания. Через несколько мгновений девочки, сжимая друг друга в объятиях, смотрели на людей в карнавальных одеждах, которые медленно обступая, вглядывались в них. Одна дама поднесла золоченый лорнет к глазам, и несколько рядов пышных кружев, ниспав, обнажили морщинистую руку. Чуть шевеля губами, она произнесла:

– Фи... ничего особенного. Такие же. И чем это мы исчерпали себя, любопытно будет узнать. Двадцать первый век! Нечто далекое! Фи... гляньте на них. Из-за этого стоило писать новый роман? Каверза какая-то... И потом, у Андрея Болконского тоже, помнится, маленькие руки.

– А как был тщеславен! Непомерно! – добавил другой голос из-за спины Лены.

– Ах, оставьте... ведь сгорел уже!

– Зато как!..

– О, да! О, да! – закивали остальные.

– Да нет, все-таки обман, обман, – дама усмехнулась и, указывая лорнетом на девочек, равнодушно спросила: – Между прочим, Штраус заказал на свои похороны финальное трио из «Кавалера розы», а что пожелаете вы? Мы-то уже определились.

Лорнет в руке покачивался как маленький молоточек.

«Да, да было бы интересно... любопытно...» – пышные рукава, банты и палантины заколыхались.

– Ой, Ленка, страшно... какие похороны? – Полина вцепилась в подлокотники и подалась назад, пытаясь вжаться в кресло.

Наконец, один из группы – мужчина в голубой мантии-накидке а-ля мушкетер с двумя огромными золотыми пуговицами и зеленой лентой поперек – выдвинулся к ним. Повязка на лице с прорезями для глаз только добавила тревоги. Не обращая внимания на возгласы, он обошел девочек вокруг и приблизился вплотную:

– Рад видеть вас... да и все, – мужчина обвел рукою костюмы, – по-моему... – голос обрел металлические нотки, – на празднике жизни. – И усмехнувшись, добавил: – Особом празднике, не имеющем ничего общего с нею... с жизнью. – Человек стянул повязку и наклонился к Полине... та вскрикнула:

– Ой, это вы?!

Перед нею стоял утренний манекен. Мужчина в знак согласия топнул ногой, и широкий верх палевых ботфорт задрожал, поддерживая хозяина. Только тут она поняла, кто их окружает.

– Это манекены, не бойся!

Полина сжимала руку подруги, но Лене это вовсе не успокаивало.

– Какие манекены?

– Я не успела тебе рассказать, сегодня утром, в бутике, он был в зеленом костюме.

– И что? – спутница переводила взгляд с одной дамы на другую, замороженная нарядами.

– Подайте! – мужчина повелительным тоном обратился к свите, и позади незнакомки с лорнетом возникло движение. Та отступила, провожая надменным взором другую, шагнувшую вперед. Зеленая накидка на плече и золоченый вензель не оставляли сомнений, кто это.

– Она тоже была там, утром... смотри, на ленте такой же знак, – прошептала Полина, но мужчина перебил:

– Отчего медлишь, Тереза? Разве, однажды, ты не получила то же самое?

– Мне кажется, Ваша Светлость, второй мы нравимся больше, – растягивая слова, монотонно ответила дама. – Она владеет вашей мечтой, взгляните на запястье.

– Ты с ума сошла!.. – вырвалось у мушкетера, но он тут же взял себя в руки. Глаза сузились, губы сжались.

Девочки замерли.

– Так это и есть герцог!

– Какой герцог? – Глаза Лены не отрывались от вензеля.

Женщина пустым взглядом посмотрела на нее и, неторопливо отстегнув накидку, сделала шаг вперед:

– Возьмите. Ваша очередь... мадам.

Снисходительность, с которой были сказаны слова, не оставляла сомнения, кем гостья представлялась окружению.

Подруга испуганно глянула на Полину – та от неожиданности потеряла дар речи. Но повелительность тона сыграла свою роль. Лена неуверенно протянула руку и коснулась краешка ткани. Женщина разжала пальцы. Зеленая змейка бархата, извиваясь и покрывая зигзагами ладонь девочки, превратилась в причудливую горку. Золоченый вензель упал последним. Тут рука Лены дрогнула, конец накидки пополз вниз и рухнул на пол, увлекая легкие складки.

– Она уронила. Быть беде, – холодно молвила стоявшая и повернулась к герцогу.

– Быть беде, быть беде, – наряды снова заколыхались.

Меж тем ткань стала расползаться и, проваливаясь сквозь пол, исчезать. Женщина с пустым взглядом прошептала:

– Она оставила ее там... Это вызов, Ваша Светлость...

– Ну что ж, наконец-то! Значит, выбор верен, Тереза. – Герцог неожиданно улыбнулся и хлопнул в ладоши.

Грянула музыка, все закружилось, свет выхватил зеленый малахит колонн, подпирающих балкон, и толпа людей в карнавальных костюмах, взявшись за руки, понеслась по зеркалу пола с криками: «Она наша! Она остается! Она не увидит пирога! Факел ей! Факел новенькой!»

Маленький юркий дирижер, то и дело бросая взгляд вниз, на танцующих, весело повторял: «Фортиссимо, руки на груди... форт, руки ниже... пьяно, еще ниже...»

Полины уже не было, но рядом Лена увидела мальчика в берете, одетого как паж. Тот подпрыгивал вокруг и вскрикивал в такт движениям рук первого: «Да, доктор... хорошо, доктор... чудесно, доктор...»

Всё выглядело так смешно, что испуг мгновенно прошел, девочка улыбнулась, а еще через секунду ее смех заставил пажа скакать вокруг уже с другими словами: «Вот и чудненько... вот и чудненько... вот и ладненько...»

К своему удивлению гостя заметила, как тот еще больше уменьшается в размерах, становясь ей по пояс.

«Как забавно!» – мелькнуло в голове, но другое событие тут же отвлекло внимание: один из музыкантов от радости перевесился так сильно через перила, что едва не рухнул вниз. Но его скрипка, все же выскользнув, упала на пол и жалобным звуком лопнувших струн заставила всех замереть. Музыка стихла. Мальчик остановился. Лена огляделась и поняла, что стоит посреди огромного зала. Она хотела повернуться, но ощутила некоторую неловкость. Опустив голову, девочка увидела на себе роскошное белое платье, усыпанное стразами, а рядом с тужуркой одну из струн. Лена машинально подобрала ее, выпрямилась и обратила внимание, что взгляды тех, кто стоял рядом, впились почему-то в ее правую руку. Самое удивительное ждало впереди. Вопросительно посмотрев на пажа, затем на руку, Лена увидела свое отражение в зеркале пола и тут же, забыв обо всем, ахнула: она стала взрослой.

ПОЛИНА

– Миленький мой, сыночек, родной, – слезы мешали Полине говорить. – Я позволю тебе всё, да и не хочу запрещать, знаю, верю, хочу верить, ты правильно поступишь... Но это... Понимаешь, никто сам проклятое зелье не хочет, он попадаетеся на крючок, на обман, ты просто не знаешь этого. Потом, буквально года через три, тебя им уже не до-стать... но вот сейчас, сейчас послушай меня, любимый...

Её сын Дмитрий в этом году досрочно оканчивал школу и проводил слишком много времени с одноклассниками, которые были его старше. Это настораживало мать. Минуту назад он зашел домой и теперь, не успев снять куртку, стоял перед нею несколько обескураженный напором, пытаясь угадать причину. Было девять вечера, время не позднее по всем меркам, и раньше его приходы не вызывали такой реакции... «Значит, дело в другом», – решил молодой человек, оправдывая упомянутую «досрочность», и на всякий случай попытался вежливо сгладить натиск, что, в общем-то, не удалось.

– Ма, ну что ты? Как с маленьким. – Он поморщился. – Никто не собирается меня ловить, в самом деле... не пацан уже... понимаю. Дай раздеться. – Сын откинул капюшон и начал шарить по карманам, искоса поглядывая на мать. Легкой досаде не давало перерасти в раздражение отчаянность ее тона. Но мешалось и что-то еще. – «Точно неспроста», – подумалось ему. Парень убрал маску недовольства с лица. – Я знаю таких... и всегда знал. Они по себе, я по себе.

– Так и есть, родной... давай, – Полина, опережая движение, помогла стянуть куртку. – Это пока к тебе не подойдет человек, которого ты уважаешь, равняешься. А случится такое обязательно. И скажет он то же самое, приём одинаков, как и десять, и сорок лет назад. «А слабо попробовать? – скажет, – или предков боишься? – Еще и добавит: – Куда ему, маменькин сынок». Срабатывает всегда... А в твоём возрасте тем более. В том и обман. Если действительно маменькин сынок. Но ведь это не так. Не так ведь? Ты же не такой?

– Ну, ма... не было ничего... – Дмитрий снова поморщился. Он не любил напоминаний о его возрасте. – И вообще, я с Наташей гулял.

– Ради бога, не перебивай, – запричитала женщина, хотя сын и не делал этого. – Такое обязательно случается... у всех. А сын Ивана Сергеевича? А Сердюковы? Или они были глупее? Скажи, глупее? – вдруг мать остановилась. – С Наташей?! Опять? Она ведь старше на два года.

Ну, что общего? Дима?

Сын, еле сдерживаясь, поднял к потолку глаза.

– Мы же... – Полина осеклась. Она вспомнила, зачем здесь. – Прости, я не о том, – пробормотала женщина, – ну, скажи... наверное не глупее? Все проходят через это. Только кто-то остается среди людей, а кто-то уже никогда, слышишь, никогда не полюбит! Я просто дам тебе ключ, способ достойно выйти... Предложение на предложение – нужно сказать: «А самому слабо бросить? Или уже спекся?» А им слабо, понимаешь? Слабо!!! Самая страшная их тайна и ты вдруг, её знаешь. Пощады не жди. И вот тут будь мужчиной, не маменькиным сынком, сам, без отца. Поверь, мне всё это знакомо.

– Тебе?

– Мне, родной, мне. И еще поверь, откажешься – зауважают. Все. И те, что с тобой, и другие. Оглядись... сколько ломаются, пропадают. А белые вороны остаются жить. Но на авторитете тоже можно играть... Да здесь уж, сам... разберешься. Обещай мне, ну...

– Да никому я не нужен. Там принцип – хочешь, не хочешь, типа, решай сам.

– Это тоже прием, будто всё равно. Способы разные, много способов... а цель одна... – подсадить и получать то, от чего уже не могут сами отказаться. Даром, за счет таких как вы.

Нет у них уже выхода. Самый доходный лохотрон в мире, как говорили в моей молодости. «Нет у лоха – нет притока» – любил повторять один сокурсник. Кстати, знакомый отца.

Отец-то как раз смог устоять. И знаешь почему?

– Ну, почему? – машинально и уныло протянул Дмитрий.

– Потому что мать ему говорила эти самые слова! Что сейчас и я. Он, взрослый мужчина, признавался мне, что мама спасла его.

Полина к месту и просто по привычке использовала бывшего мужа даже сейчас, после стольких лет развода, причины которого ни за что не назвала бы.

– А над знакомым, уже памятник... столько лет.

– Отец?!

– Я же говорю, почти каждый прошел через это.

– А почему он никогда...

– Потому что считает тебя сильным. Да и мал ты был... а сейчас... уж не знаю, о чем вы говорите когда видите. – Да ведь год как ездил к нему... Ты ж сама куксишься... Мать словно не слушала.

– Меня вот бог уберег, а сколько друзей, друзей хотели казаться взрослыми. И повзрослели... за год. Состарились так, что узнавать перестала. Внешность таких ударов не держит. Всё помню. Обещай... и я пообещаю, что больше никогда не коснусь этой темы.

– Ну, хорошо... ма, обещаю, – радуясь окончанию, улыбнулся парень.

– И я, родной.

Женщина обняла сына, незаметно вытирая все еще влажные глаза. Когда тот вышел, она тихо произнесла: «Господи, прости за маленькую ложь...»

Полина работала в пивоваренной компании, которая, впрочем, разливала и множество других напитков. Четырнадцать лет как один день. Порой казалось, вся ее жизнь, без остатка, будет пропитана ароматом не «Живанши», а карамельного солода с дрожжами, которые круг образованных женщин, в коем она пребывала, считал полезными для здоровья. Экономический отдел, где Полина не просто числилась, что стало характерным для эпохи рыночных, и не только, отношений, но к тому же работала, поставлял руководству разные цифры: рентабельности, окупаемости ну и... затратности. Цифры те, взявшись за руки, дадут фору любой головоломке. Однако, среди столь уважаемых понятий, все чаще мелькали точки безубыточности – а это цены, ниже которых торгуют со спорными целями, из чего следовало одно: грядёт смена хозяев.

Так и произошло. По иронии судьбы, новым генеральным стал ее сокурсник Валька Привалов, или Валентин Львович, как представили его коллективу. Назвав работников единомышленниками, а также суля радуго за грозовой тучей неприятностей, он отправил всех по местам, требуя думать, как влить новую струю и не только в прохладительные напитки. Подавленные люди разбрелись, резонно полагая, что струя та принесет смену и им. Полину попросили остаться.

– Ну, как ты? С самого начала здесь?

Шеф утонул в кресле.

– Сразу после защиты.

– Замужем?

– Нет, но у меня сын. А ты... вы?

Мужчина поморщился:

– Был женат, тоже сразу после защиты. Да сплыл.

– Отчего так? Впрочем, не важно. Теперь ты снова в Иркутске. Как сестра? Всё в Братске?

– Нинча? Она теперь технолог. Зарплатой, дочерью и небом слегка довольна. – Лицо расплылось в улыбке. – А, может, и не слегка, кто вас разберет? В особой открытости не замечена. Да ведь и была всегда такой.

– Не прибежняйтесь, Валентин Львович. Вон, какой раздобревший, солидный, как раз по креслу, – Полина хитро улыбнулась.

Тот расхохотался:

– Узнаю, узнаю Полю с поля! Помнишь пикники на Байкале? «Не важно», «Валентин Львович», брось ты это все. Что делаешь вечером? Посидим, потонем? А?

Именно сегодня, именно этот вечер, был у Полины не просто занят – забит обязательствами, которые нельзя было не исполнить. Но ее многому научили слова молодого парня, почти мальчишки из соседнего отдела, который жаловался на невозможность познакомиться с девушкой, в уши которой «вбиты» наушники. Сокрушаясь, тот спрашивал сотрудниц: «Вот вы, все, представляете, сколько упустили женихов, вопросом которых был бы: девушка, как пройти к ближайшему банкомату? – что означает: ты хороша, черт возьми! Да еще и умна, если держишь ушки без прослушки. Не представляете? Тогда жалуйтесь на мужской род дальше и слушайте то же от подруг».

– Свободна как никогда, – был ответ улыбающейся Полины. – И заметь, я ненавижу слушать музыку в наушниках, – решив все-таки опробовать «ты», спокойно добавила она, – редкое качество.

– Не понял... – удивленно отреагировал Валентин. – Я и не предлагаю. Сам не пользуюсь.

– Догадываюсь почему – тебя это раздражает.

– Короче, – подытожил шеф, так и не «догнавший» смысла сказанного, что и положено настоящему мужчине в разговоре с симпатичной и, к тому же, одинокой женщиной, – после работы на моей машине...

– Лучше на трамвайной, у ТюЗа, – уклончиво, но твердо заметила Полина. – А с работы я уеду со всеми. И никаких пересуд.

– Хорошо, – понимающе кивнул тот. – В половине седьмого.

В уютном подвале маленького ресторанчика, что недалеко от «самосвала», как в студенчестве они называли дворец спорта, было тихо. Понедельник – не тот день, когда можно встретить веселую компанию. Через два часа, по меньшей мере, двое в Иркутске знали друг о друге почти все и были уже на «ты», как и сто лет назад.

– Слушай, у тебя была подруга, Ленка, резкая такая... не отставала от нашей компании, как она?

– Замужем за Андреем, помнишь, все заходил в комнату, рядом с вами?

– Андрюха? С филфака?

– Как и Ленка. Две книги издал.

– В писатели двинул? Во дает! А мне казалось, недотепа еще тот! Ну, дела...

– Да мы же вместе в школе учились, все трое... – Полина несколько смутилась, что не осталось незамеченным, – оттуда дружили...

– Да бог с ними!

– Да точно!

Оба рассмеялись, понимая всё.

Вечер, и не один, Полина провела удачно, но сдержанно. Сдержанным Валентина заставила быть она же. Наконец, глыба льда подтаяла, треснула и, отколовшись от айсберга неприступности, рухнула, поднимая в ее жизни мириады разноцветных брызг. Надежды. Но, как выяснилось, и успеха.

Через три месяца Полина носила уже другую фамилию.

Прошло два года. В понедельник и вечером, как и когда-то в детстве, она торопилась в ту самую квартиру на втором этаже высотного дома. Ей позвонила мать Лены, Галина Николаевна, и, очень волнуясь, просила быть у них. А еще через час...

– Да ты что?! Что с тобой?! – Полина трясла подругу за плечи. – Забыла, как мы решили вдвоем поехать в отпуск? Я же отпуск взяла!

– Да какой отпуск, Поля, – Галина Николаевна стояла в дверях зала, – она меня еле признаёт. Да и то, может просто уговорили...

– Когда, когда это случилось?

Молодая женщина повернулась к постаревшей за несколько дней матери.

– Два дня как. В субботу... думали, пройдет. Приезжал знакомый Бориса – доктор из сибирского отделения академии наук, сама понимаешь... такое афишировать. – Она вытерла слезы платком, – ничего утешительного. Причины не очевидны. Сказал, иногда помогает ударная доза какого-то антибиотика, возможен редкий вирус... не обнаруживается. Но излечения были. А пока... вот, тебя... может ты... с тобой что вспомнит? С кафедры звонили, сказала, что приболела.

– Об Андрее по-прежнему, ничего? – стараясь найти нить разговора, не к месту спросила гостя, подойдя ближе.

Галина Николаевна покачала головой.

– Ой, Поляночка... – Мать взяла женщину за руки. – За что это мне? – И, уткнувшись той в грудь, разревелась.

Елена, хоть и стояла до того молча, не выдержала. Глаза увлажнились, она сглотнула, села в кресло и, закрыв лицо руками, тихо прошептала:

– Не помню, господи, ничего не помню.

Полина усадила мать на диван, опустилась рядом и внимательно посмотрела на подругу:

– Значит, вообще ничего? Ничего-ничего?

– С вашего похода в кино, тогда, в детстве, – голос хозяйки дома дрожал.

– Какого похода?

– А она тебе расскажет... я-то вообще не знаю.

– Того, помнишь, два билета, с зеленой полосой? – Лена открыла лицо, всхлипывая и вытирая рукой слезы. – В шестом классе? Ты украла в бутике... мы пошли... потом экран повернулся, нет... мы повернулись...

Полина посмотрела на мать. Та пожала плечами, снова промокнув лицо платком.

– И так все два дня. Как бредит... и ведь детали, все в деталях... для того тебя и позвала. Может, поймешь?

– Но я не помню... да и мало ли смотрели фильмов? Как хоть назывался? – безо всякой надежды спросила та.

– Поля... это же действительно ты... я узнала тебя... боже как ты постарела! – вдруг отшатнулась Лена, с отчаянием глядя на гостью. – Мамочка, что же со мной происходит?... мама, – она буквально перебежала к дивану и встала на колени, прильнув головой к коленям женщины. Плечи затряслись.

Полина нерешительно поднялась и, будто отстраняясь, отступила назад. Через секунду ее потерянный взгляд, скользнув по стене, замер, встретив такой же. В то самое мгновение на картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи» тоже появились чьи-то глаза. Такое женщина увидела впервые. Странное знакомство состоялось.

Дома она была за полночь.

– Ты что? Что-нибудь произошло? Я поднял всех знакомых. Могла бы позвонить! Пока не нашел Галину Николаевну. Она вроде как не в себе... сказала... была, ушла.

– Раз ты все знаешь... Ну как, как я могла позвонить?! Там такое происходит... Что же делать... – женщина, заламывая руки, ходила из угла в угол. – Ума не приложу... боже мой... А им? Им-то каково?

– Да что? Что случилось?!

– Лена потеряла память.

– И всего-то? А мужа она не боится потерять? Неделю ни ответа, ни привета.

– Я серьезно.

– Что значит серьезно? Забыла-то что?

– Всё.

Валентин внимательно посмотрел на жену и только тут понял неосторожность брошенных слов.

– Понимаешь? Всё! Всё! – почти выкрикнула Полина.

– Я слышал, бывает... – уже виновато ответил он. – Проходит. Возвращается.

– Дай-то бог. Ладно, давай спать, – резко оборвала она, – все потом. Завтра.

– Ма, ну чего расшумелись? – В дверях спальни показался сын. – Два часа уже. Что вы... какие-то...

– Ничего Дима, уже ложимся. Ступай к себе. – Я только попить...

Утром решение созрело.

– Так, я сейчас к Елене, заберу ее на несколько дней от матери на базу отдыха, к Светке, поживем, пусть проплачется, изольет мне все... остынет, ну а я постараюсь расшевелить память... как-нибудь. Все равно в отпуске. Может, получится. Нельзя ей такой... в городе. И ты не вздумай сказать кому... надеюсь, понимаешь, – сурово глянула на мужа Полина, разливая чай. – Да, присмотри за Димкой. Я говорила с ним на днях, – как-то рассеянно добавила она. – Ладно... потом.

Валентин Львович кивнул. У него вошло в привычку не задавать лишних вопросов, когда решение принято. А в житейских делах оно принималось супругой. Всегда.

Через час Полина была у Елены. Мать, будто зная что-то, смотрела с надеждой.

Еще через три часа она уже парковала авто рядом с корпусом, одного из кемпингов на берегу Байкала. Всю дорогу подруги молчали. Каждой было о чем подумать.

– Н-но? – Светлана Останкова, давняя знакомая Полины и просто красивая женщина, вопросительно смотрела на нее. – Что на этот раз?

– Да, вот... привезла отдохнуть... удалиться...

– Ясно. – Светлана понимающе ухмыльнулась.

– Да нет!.. – вспыхнула Полина. – Совсем не то... я серьезно.

– Что ж, располагайтесь, – директор развела руками, брови поползли вверх. – Вид из номера на восход. А как серьезность пройдет, прошу в гости. А их у меня всегда полная колода, – женщина рассмеялась, – глядишь, и вы попадете между строк! – Брови опустились, бедра качнулись и растаяли в суете прислуги.

Жена Валентина Львовича улыбнулась, понимая, что та имела в виду – один знакомый, не то чтобы писатель, а так, «грустящий над страницами», как выражалась Светлана, посвятил подруге маленький эпизод.

Друзей у Полины было множество, несмотря на «своенравность» во всём. Отнюдь не считая себя взбалмошной, она присвоила эмоциям другое имя – «непримиримая». Чуть скуластое, красивое лицо, в «уральской» смуглости которого все видели загар, вместе со стремительной походкой, вписывались и «ложились» в открытый характер как нельзя лучше. Эту черту она не скрывала. Даже бравировала. Однако умела в нужный момент контролировать себя, и даже наступать на горло собственной песне, «если необходимо», как сама же выражалась. Чем необыкновенно дорожила. Полина часто, резким движением головы, откидывала

назад длинные волосы, огненно рыжий цвет которых, должен был говорить всем: не подходи просто так! Опасно! И одаривала приятной улыбкой, вдруг и неожиданно, тех, кто разделял знаками или такой же улыбкой отношение к жизни, мужчинам и планам на неделю. Дальше Полина смотреть не любила... за исключением... ну, вы и сами догадались, дорогие мои, чего.

Из простой семьи, в которой отец, водитель троллейбуса, после многих лет «унижения», как считала наша героиня, дослужился, наконец, до мастера цеха, она всю молодость положила на образование, где слово обучение» имело настолько расширенный смысл, что наш читатель, зная детали и поступки, несказанно бы поразился образу, который попытается навязать ему автор, сглаживая и щадя. Но согласитесь, на то он и автор!

Короче, все это нужно было Полине, чтобы вырваться из придуманного «унижения». Представьте, удалось. Но скорый развод, ребенок, казалось, ставили на титанических усилиях крест, угрожая вернуть то унылое состояние, в котором пребывала еще девушкой, когда завидовала одноклассникам. Однако годы уже научили другому. И результат не замедлил сказаться. Как вы успели также заметить.

Теплая, ясная погода и усыпанный желтыми листьями склон, убегающий к самой воде от корпуса, где их разместила знакомая, возвещали о бабьем лете, которое случилось как раз вовремя.

Пообедав, они вышли за территорию и направились вдоль берега. Обычно свинцовая гладь озера, радуясь чистому небу, поглубела и покрылась снежными барашками, которые, перешептываясь, набегали, превращаясь в прибой.

– Четыре балтийских моря! Пятая часть запасов пресной воды мира! – восхищенно обратился к ним мужчина в шляпе. – Вот это яблоко раздора! Новая Ева лукаво улыбается из глубин, и новое яблоко протягивает людям тень ее! Потешимся! Ох, потешимся!

– О чем вы? – бросив на того рассеянный взгляд, спросила Лена, но спутница дернула ее за рукав: «Пошли, пошли...»

– О вас родные, о вас! Полюбуйтесь широтой просто-ров!.. – мужчина провел рукой по горизонту. – А тюлени?! А говорящий дельфин?! Откуда?! И здесь! Чудо! Такое желанное чудо! А что таят глубины старика! – Он наклонился, отряхивая длинный плащ и провожая пару странным взглядом, помахал рукой. – До встречи!

Полина машинально обернулась и кивнула.

– Он что-то сказал о говорящем дельфине? – продолжая идти вперед, отстраненно спросила Лена.

– Выбрось из головы, – та махнула рукой и остановилась. – Ну что, милая, давай-ка все сначала, – и заглянула подруге в глаза, – ты хоть помнишь, как погиб твой отец?

– Мама рассказала, – Елена спокойно смотрела вдаль.

– А муж? Андрей? Он пропал. Тоже рассказала?

– Нет, – в глазах появился испуг. – Наверное, жалела. Я не спрашивала... молчала... Да и что я могла спросить?! Я же его не знаю. Что-то случилось? Хотя, если со мной... уже несколько дней... не удивительно. Кошмар, все это кошмар, Поля... давай ходить, я не могу стоять, спать, жить... жить не знаю как, для чего... для кого. Вот узнала тебя... боже...

– Не раскисай. Сейчас я буду рассказывать, что произошло в последнее время. Самые свежие события. Слушай и пытайся пробудить память.

Они двинулись дальше.

Солнце клонилось к закату, когда женщины, уже возвращаясь, остановились у самого забора кемпинга.

– Пойдем, скоро ужин.

– Постой, – Лена сделала жест рукой, – Расскажи... Расскажи еще раз про тот день... ну, когда мы попали в кино. Только с самого начала.

Спутница вздохнула.

– Давай присядем.

Сегодня Полина вспомнила всё, во что перестала верить много лет назад. А главное – поняла, что никогда и не забывала.

Старая скамейка под елью оказалась на удивление теплой, будто кто-то заботливый покинул ее только что. Отстраненный взгляд подруги уже не смущал Полину и она добросовестно, слово в слово, повторила свой рассказ.

– А почему вообще ты запомнила этот день?

– Так, манекен, магазин... честно говоря, всё давно уже кажется сном... Может я просто уснула, пережидая дождь? – и с надеждой добавила: – Может так и было?

– Послушай, – спокойно глядя вглубь аллеи, продолжала подруга, – ты сказала, что выходя из магазина наткнулась на нашего слепого?

– Ну, вроде. Почему тебя удивляет?

– И он спросил: торопитесь?

– Так потому и запомнила! Просто не видел, что я одна.

– Нет, – Елена покачала головой, – слепой знал... что-то здесь не так. Однажды я видела, как мальчишки дразнили его. Да, он повернулся тогда и снял очки. У него вместо глаз впадины... мальчишки убежали, а я осталась. Оказалась рядом случайно... Он так долго смотрел на меня... Будто видел... прорезал, насквозь. И хочу двинуться, да не могу. Как примерзла...

– А ты-то почему вспомнила об этом?

– Да он тоже спросил: вас это трогает? Тогда я буду ждать... О каком-то приюте сказал. Понимаешь? «Вас»! А там, в кино, я что-то видела... Что-то связанное с ним...

– Глупости. Фильм как фильм, ничего особенного. Я не удивлена, что вообще его не помню... если бы не магазинчик...

– А как ему представляется мир? Слепому? – Лена задумчиво посмотрела вдаль. – Каким видит он его там, внутри? Кто мы для него?

– Да такой же человек... ведь трогает свои руки, ноги... ест то же самое, слышит, говорит... – Полина покачала головой, думая совершенно о другом.

– Нет, я не об этом. Вот улыбка... знает ли он, что это такое? Почему люди улыбаются. Почему плачут.

– Может и знает. Кто-нибудь рассказал, или даже по-казал...

– Не то... ему ведь рассказали, что люди улыбаются, когда им хорошо. А разве ему было когда-то хорошо? Всегда такой грустный...

– Глупости всё это, – повторила Полина и обиженно от-вернулась, – о чем ты думаешь?!

– Подожди, – Лена положила ей руку на колено. – Улыбаются и садисты... им ведь тоже бывает хорошо, когда кому-то плохо? А слепой такого не может знать... значит, люди для него другие, не как для нас... и улыбка, ее содержание, понимаешь, другое. Она настоящая... та, что была в начале начал... Но самое удивительное, что я узнала это там...

Полина подняла брови:

– И такие мысли волнуют тебя? После всего, что произошло?

– А что произошло?

– Ну, хотя бы... развалился Союз, стало больше колбасы, машин и негодяев. Всего на порядок. Не прибавилось одного – счастья. Тебе повезло, потеряла память, а как быть мне... за сына вот боюсь. Но сейчас... и это не главное.

– Что ты такое говоришь?! Повезло?! И не главное? Ну, не молчи!

– Да ты же медленно убила свою семью... – выдавила Полина. – Всех. По очереди.

Подруга закрыла лицо ладонями.

Ужина не было.

«Г-н N проснулся одетым на диване. Он с удивлением оглядел сначала комнату, затем себя. Брюки, жилетка, галстук. Так, стоп. Почему галстук торчит из-под мышки?» – такой сон приснился в следующую ночь Валентину Львовичу, большому любителю классики. «Черт побери, – подумал он, – сколько же их, господ N? И который из них я?»»

ЛЕНА

Видя пристальные взгляды замерших людей и понимая, что та маленькая девочка, которой предстояло еще окончить школу, куда-то исчезла, а в платье, посреди огромного зала, стоит другая, совершенно незнакомая пока женщина, Лена не могла решить, что ее больше беспокоит: возраст, непривычное декольте или отсутствие подруги. А ведь еще надо как-то отсюда выбираться! Одной оставаться вовсе не хотелось. И хотя зал был хорошо освещен, Лене стало не по себе. «Непривлекательность» действия становилась очевидной и повлекла настороженность. Но самым неприятным было чувство, впервые посетившее девушку – полного одиночества. Вокруг стояли чужие люди. Место, где она находилась, было незнакомым. Ни подруги, ни родители, никто не мог помочь, настоять или посоветовать. Взять за руку и повести, показать выход. Подсказать, как это делали всегда взрослые... и дома, и в школе. Чего так не любила, как и все дети. Лене вдруг захотелось маминого участия, заботы, от которой стремилась избавиться, там, где-то уже далеко-далеко. Которая порой раздражала, казалась лишней для вполне самостоятельной, каковой считала себя. Иногда было просто стыдно перед подругами за такую опеку. Как радовалась, убегая из дома и получая свободу. Школа, друзья, двор. Атракционы в парке, мобильные приложения по вечерам и, конечно же, куклы. Все стало вдруг частью, всего лишь маленьким кусочком того большого, главного и уже потерянного мира, который включал маму, папу, бабушку, даже веселую тетю Лиду, папину сестру, живущую в Москве. А звался семьей. Без которого необходимость остального вдруг поблекла и стала не такой важной. Да и ненужной. Вся притягательность мира за окном детской существовала лишь при живых родителях, их беспокойстве о ней. Ни за то, ни за другое Лена ручаться сейчас не могла. Где близкие, она не представляла. Знают ли, что произошло – неизвестно. Ищут дочь или просто пьют чай, а может, пошли прогуляться? Девушка впервые ощутила «другое», взрослое одиночество, неизвестное прежде чувство, которое щадит нас, оттягивая знакомство порой на долгие, долгие годы. Ей же для этого потребовалось лишь сходить в кино.

Тишину нарушил новый знакомый, будто подслушав ее мысли:

– Ну вот, ты рассуждаешь уже как женщина! Твоя подруга хотела стать такой. Но мы оказали честь тебе!

– Зачем?! – вырвалось у Лены. – Я не хочу!

– Ты боишься? Здесь нечего бояться, – опережая, ответил герцог и улыбнулся. – Ты проведешь с нами совсем недолго и, совершив удивительную прогулку, отправишься домой, побывав в сказке. Представь лица подруг. Любая хотела бы оказаться на твоём месте. Они даже мечтать не могут о подобном. Смелее! Посмотри на эту роскошь, на дворец! Пусть на время, но он твой. Такого больше не случится!

Лена недоуменно смотрела на провожатого.

Чья-то рука потрепала подол платья.

– Не обращай внимания, девочка... простите, мадам.

Она опустила взгляд: рядом стоял знакомый мальчик, похожий на пажа.

– Если вы героиня романа, вам уже ничего не страшно, – продолжил он. – Но это касается только героинь. С другими труднее. Многие уходили отсюда... потеряв. И поверьте, последнее слово останется за вами. Здесь Его Светлость не солгал, – он кивнул на мужчину.

Лицо герцога светилось довольством.

Легкая неловкость, которую приходится пережить каждому, кому впервые говорили «вы», заставило Лену покраснеть.

– Ты пойдешь с нами, мальчик? – спросила она, смущенно улыбаясь.

– Конечно.

– Тогда говори мне ты.

– Хорошо, принцесса.

Лена улыбнулась опять.

– А как тебя зовут?

– Зови меня Жи Пи.

– Жи Пи? Так смешно?

Мальчик надулся:

– Что ж здесь смешного? Жан Пьер, Жан Поль или Пауль, не все ли равно? А можно просто: Жи Пи.

– Ну, хорошо, хорошо. Не обижайся, Жи Пи.

– Тогда вперед? – вмешался герцог и галантно подставил локоть.

Улыбка, платье, добродушный паж и слова... сладкие слова, как обычно это бывает, сделали свое дело. Девушка растаяла. В конце концов, какая из них не мечтает побывать принцессой? Хотя бы день? Лена все еще настороженно, но уже без страха, взяла хозяина под руку.

– Добро пожаловать во дворец грёз! – лакей распахнул золоченые двери и отступил.

Торжественная музыка наполнила своды, придворные, сделав реверанс, молча поклонились, провожая глазами пару. Двери сомкнулись, оставляя колючие взгляды позади, музыка стихла, и Лена увидела овальный зал, розовые пилястры которого, одинаковые как близнецы-братья, подпирая декоративную балюстраду вдоль стен, убегали направо и налево. Там же, в глубине, начинались похожие на рукава галереи-анфилады, арки которых, множась как в зеркале, отделяли уходящие вдаль залы поменьше. Девушка подняла голову. Росписи на своде опускались и переходили в живые цветы, сплошь покрывая стены.

– Вот это да! – Восхищенно протянула она.

Тут Лена заметила еще одни двери, напротив, с медными полосами крест-накрест – единственное, что рождало некую дисгармонию в ощущениях. Однако живописная оранжерея и отдаленные, слышимые из анфилад приятные звуки музыки, голосов и чего-то еще, окончательно успокоили девушку.

– Здорово! – прошептала гостья. – Для кого это всё?

– Для тебя. Сегодня всё для тебя! – герцог высвободил локоть и развел руками. – Я же обещал!

– А что там? – Лена кивнула на галереи.

– Самое необходимое. Ради чего мы здесь. Я подарю лишь то, что обещают вам родители, мм... большинство, только чуть раньше. Однако, покажу красоту финала. Ты получишь всё... и вернешься другой. Непременно другой, – добавил он и, чуть склонив голову, указал налево, приглашая следовать туда.

В этот же момент Жи Пи взял ее за руку и потянул в сторону дверей с медными крестами.

– Нам надо торопиться малыш, – герцог недовольно поморщился. – Не повторяй прежних ошибок.

Но мальчик с мольбой смотрел на гостью. «Прошу тебя, зайди», – говорили глаза.

– Что там, Жи Пи? – Лена удивленно подняла брови.

– Добровольный пленник, – отрезал герцог, стараясь казаться равнодушным. – Нежелающий смотреть в мир. Всего-то. – И помолчав, добавил: – Не стоит тревожить чужие раздумья и мешать причудам. Мы лишние в том молчании, поверь.

– Там заперт Великий Слепой, – тихо сказал маленький спутник. – Он очень хотел бы смотреть в мир, но не может. Не может вынести. Ему нестерпимо больно.

– Я же говорю, не стоит. И потом, его нет в твоих мыслях. Впрочем, как и в мыслях других. Мы прячем его от людей, для их же блага.

– Зайдите, мадам, – в голосе мальчика послышались нотки отчаяния.

– Я хочу посмотреть, – Лена упрямо подняла голову, показывая, что уже не маленькая и хотя бы в чем-то с ней нужно считаться. На самом деле, она вспомнила молодого парня в чер-

ных очках с палочкой, которого по дороге в школу встречали с Полиной. Воспоминание, усиливая любопытство, снова родило ту настойчивость, с которой всё и началось в этой истории.

Здесь мы напомним читателю: точно такое же чувство испытала и Полина, встретив на своем пути незрячего. То же любопытство помогло завладеть билетами. А упрямство привело в кино, а не в цирк, откуда мы повели бы совершенно другой рассказ о двух девочках лет двенадцати. И хотя результатом на этот раз воспользовалась подруга, что ж, видимо, наступила ее очередь. Тут уж ничего не поделаешь, случается. Ожидаемое одной – получает другая. Заметим, некоторая одинаковость мыслей и поступков свойственна юному возрасту. Однако, одинаковость мотивов, а главное результатов, убывает с годами. Как искренность и доверчивость в душе... или безупречность кожи на лице. Но... иногда, кто-то третий, росчерком пера меняет всё по своему усмотрению и сам же восхищается. В общем, повторим: случается... Как это и произошло в замечательную для девочек субботу. Впрочем, о ней чуть позже.

– А ты взрослеешь не по годам, – пожимая плечами, проворчал мужчина в мушкетерской накидке. – Но тут же, словно опять угадав мысли, заметил: – Послушай, вы с подругой всегда проходили мимо того слепого, оглядываясь из любопытства. Одного любопытства недостаточно, чтобы открыть двери. Недаром сказано: «Иудеи просят знамения, эллины – знаний». Но то и другое – бесполезно. Подумай!

– Все-таки, я хочу... взглянуть, – и, удивляясь сама себе, Лена решительно направилась вглубь зала.

– Постой! – голос герцога остановил ее. – Потеря слишком велика!

– Что я могу потерять?

Недоумение на лице гостьи давало хозяину надежду:

– Неужели ты будешь тратить время, над которым пока не властна?! На пустое! – Он кивнул в сторону дверей.

– А разве я трачу?.. – гостью удивила только первая часть вопроса.

– Это же самое главное для чего мы здесь! Ну, почти... – добавил хозяин колебавшись. – Я хотел рассказать об этом по ходу... но раз так получилось... – Было видно, что мужчина взволнован. Лена внимательно смотрела на него.

– Здесь, то есть там, впереди, – быстро заговорил Его Светлость, решив, что поторопился, открывая замысел, и стараясь исправить ошибку, – есть зал сладостей и наград, зал удовольствий и всё это не трата, потому что впереди, через зал восторга и оваций... дорога в зал власти над своим временем! Власть над временем! А дальше... дальше. – говоривший выдохнул, умолк и несколько секунд смотрел на девушку, будто сомневаясь. – Время... мечта алхимиков и философов, королей и простолюдинов... Всех! Она делает неразличимыми перед вечностью тиранов и борцов с ними, злодеев и не тронувших пальцем мухи, если хотят того же! Жажда уравнивала их! Тысячелетия, века. Но не более того! – Мужчина сделал паузу. – А ты можешь получить!

– А что можно сделать... со временем? – гостья насторожилась.

– Глупая! Например, остановить! Один умник уже изрёк: остановись, ты прекрасно!

Лена снова глянула на пажа. Тот кивнул:

– Это тоже, правда.

– Или побывать в истории! – Герцог не унимался. – Ну, например, – он прищурился и довольный подмигнул ей, – побеседовать с фараоном!

– О чем? – толком не осознав предложенное, произнесла девушка.

– Ну, тогда глянуть на костры инквизиции, из толпы зевак!

– Страшно... А другого... ничего?

– Как ничего?! Венеция, дворец Дожей! Путешествие по каналам или на версальские феерии к Королю «Солнце», Людовику четырнадцатому! Что до меня... так я бы оживил «Утро стрелецкой казни». Плач и стоны, плач и стоны... и где? У самой кремлевской стены! Порази-

тельное постоянство! Правда, государи ваши однообразны – фантазии хватает ноздри рвать да вешать... Вон, в Европе более изощренны, всё больше в тиши. Не ноздри интересны... души... э-э-э, – он запнулся, – в том смысле, что печемся... тьфу, не так выразился... ну да ладно... Хорошо бы по чарке, да за жизнь посудачить... кажется, так у вас говорят? За-меть, – добавил он, не давая госте прийти в себя, – ты уже всё знаешь и не удивляешься. Одним хлопком в ладоши я сделал тебя взрослой! Так поверь в мое могущество. А мест... мест много, выбирай!

Лена только сейчас поняла, что имена и названия ей действительно знакомы. Лишь удивилась самой речи, но виду не подала. Только задумалась.

– А главное... – голос прервал размышления, – потом, нам откроются двери в зал власти над временем других! О, моя мечта! Зал самой высокой моды! Непреходящей моды повелевать!

– Зачем мне другие?

– Согласен, незачем, – поспешно кивнул хозяин, хрустнув пальцами.

– А что еще... есть... там? – всё еще думая о своем, спросила девушка.

– Ответвлений и закоулков много... но и тупиков... Нужен провожатый, верный спутник!

– А как же Андрейка? – Лена вдруг вспомнила про него. – И Полина?

– Забудь!

– А уроки?

– Никаких!

– А уборка в моей комнате?!

– Не нужна!

– Я оставила утром не прибранной... мама всегда...

– Посмотри на себя! О чем ты думаешь?! Роль, которую тебе стоит сыграть, началась. А если ты «героиня романа»? Помнишь? Занавес поднят! Зрители ждут! Впереди цель. Моя. Нет, уже наша! Место в жизни. Музыка бала манит... музыка особого бала, – герцог хитро покачал пальцем. А друзья, знакомые... с ними ничего не случится. Они живы, здоровы и останутся... на своем месте... на годы. Оно, место, должно быть у каждого! Слышишь?

У каждого. Разве не так?

– А что, что будет потом? – «Венеция, король-солнце» – мелькало в голове. – Лена была уже здесь. – Чем закончится... всё?

От бесконечного, казалось, перечисления всех этих причудливых названий, имен и слов ее сновахватило пленительное ожидание чуда. Но и легкой тревоги от них, непонятных до конца. И все-таки то, о чем грезит каждая девочка, каждый подросток, представляя, конечно, чудо по-разному и по-своему, брало верх. Оно еще оставалось в ней – манящее, и не только в странные путешествия. Завораживало и влекло, как и ожидания, способные пленять юность, особенно в двенадцать лет. Неожиданно такое близкое, не призрачное чудо, как в тех, пусть хороших, но чем-то одинаковых днях ее детства, которые оставила сегодня. Всего на мгновение. Лена готова была уже забыть тревожные нотки голоса. Она уже представляла, как расскажет обо всем Полине, родителям, подругам в классе. Да что там... всему миру! И мечтательно, чуть прикрыв глаза, улыбнулась.

– Потом ты вернешься домой, – голос вернул сознание на место.

– Домой?

Сожаление было не скрыть, да и вряд ли это у нее получилось бы.

– Я же обещал, – герцог улыбнулся, довольный результатом. – А пока время, повторяю, уходит. Нужно всё успеть! Мы теряем его... теряем именно сейчас. Да разве ты уже не хочешь? Вернуться? – он сделал вид, будто искренне удивлен. – Иногда мне сложно понять женщин... неужели после всех испыт... – он осекся, – после такой сказки, ты не захочешь увидеть подруг, может, уже взрослыми... поделиться, отдать? Часть того, что унесешь отсюда?

– Я могу что-то унести?

– О! Всё! Всё, к чему прикоснешься здесь, станет твоим! – А почему взрослыми?

– Ты невнимательна, как и на уроках, о которых помнишь. Получив власть над временем, можно распоряжаться им... вернуться в любой, какой пожелаешь год! Любое время!

– В любое, любое?

– Конечно! Насладись! Если дойдешь...

– И что... могу вернуться, а там, – пропустив последние слова, гостья кивнула назад, – я замужем? – девушка заулыбалась.

– Даже выбрать, сколько будет у тебя детей! – довольный хозяин потер руки. – На тот момент.

– Здорово! – восхищенно глядя уже мимо, на левую галерею, прошептала она и только тут заметила, что Жи Пи дергая ее за рукав, что-то шепчет. Лена наклонилась.

– Зайди, зайди, это тебе пригодится. Ну же, не сдавайся, – услышала наша героиня и тут же вспомнила не только, почему хотела глянуть за двери, но и свою вредность, за которую так ругала бабушка.

– И все-таки я зайду.

Лена решительно, не глядя на сжатые губы Его Светлости, подошла и потянула за ручки дверей. Те остались неподвижными.

– Вот видишь!

– Милая леди, – вдруг услышала она.

Жи Пи слегка протянул к ней руки, словно боясь потерять внимание.

– Подумай, что бы ты очень хотела изменить, сделать по-другому, по-доброму и двери услышат...»

– Леди, – произнесла девушка, и в который раз улыбнулась. – Как странно. Милый мальчик, что же мне изменить... постой, мама где-то, наверное, беспокоится, переживает. Кажется, было бы лучше послушать ее и пойти в цирк. Мне ее правда жалко... и бабушка... да, пожалуй, я поступила бы так, – она вздохнула, понимая, что в этом случае сказка бы исчезла.

Жи Пи потянул за ручку, и дверь поддалась.

В огромном круглом зале, похожем на пантеон, потолка не было. Яшмовые стены, обработанные руками мастера лишь отчасти, вырастая из пола, подпирали уже не балкон, а нависающие кручи гор, уходящие ввысь. Справа в, казалось, специально устроенной нише, журчал небольшой водопад. Гигантская чаша, аккуратное дно которой было закончено автором, а края и своды неведомый ваятель оставил нетронутыми до лучших времен, неприветливо и настоятельно принимала входящих.

С этим странным ощущением Лена, сжимая руку мальчика, медленно ступала вперед с поднятой головой и, продолжая рассматривать затянутые серыми тучами вершины, старалась понять, откуда льется неяркий свет.

Герцог неотступно следовал за ними. Наконец, все остановились.

– В последний раз прошу, одумайся! – провожатый понизил голос.

– Почему же? Мне жалко его. Я хочу поговорить, ведь он такой же... и никогда не видел улыбки... только слышал о ней – так сказала одна старушка. И даже лица мамы... когда гладила его в детстве...

– Да, милая девочка... и ее слез... – добавил паж.

– Знал!

Гостья вздрогнула.

– Знал, девочка! – повторил голос.

Все застыли.

В глубине зала, у левой стены на вытесанном из яшмы огромном стуле с поручнями из белого камня сидел человек. Большой человек. Сколотый выступ не давал возможности увидеть его сразу. словно так и было задумано кем-то, чтоб одиночество пленника нарушалось

лишь звуком падающей воды напротив. И хотя великаном назвать его было нельзя, непривычно большой рост выдавал в нем эту особенность даже в таком положении.

– Но я... взрослая, – неуверенно поправила Лена, приходя в себя. Слепой вовсе не казался ей страшным.

– Это они сказали тебе? – Человек кивнул в пустоту. – Но я не вижу. Не вижу! – Прогремел голос.

Руки Слепого, сжимая поручни, начали выпрямляться, поднимая могучее тело, но локти, едва оторвавшись, замерли. Он обессилено рухнул обратно. Что-то звякнуло.

Только тут девушка заметила цепи, накинутае на запястья.

– Вы заковали его! – вырвалось у нее.

В этот момент герцог резко развернул Лену к себе и, глядя прямо в глаза, сквозь зубы процедил:

– Увы. Собственная просьба.

– Это так?! – обращаясь уже к пленнику, воскликнула гостя. – Так? – Повторила она с отчаянием.

Тот отвернулся.

– Но... зачем?!

– Я же говорил, мир невыносим ему. Ты только мешаешь... – герцог решительно кивнул в сторону выхода. – Поверь, нам лучше уйти, – произнес он и, потянув, больно сжал руку девушки.

Вынужденная повиноваться, Лена, упираясь, сделала несколько шагов, продолжая смотреть на Слепого.

Тот медленно повернул голову в их сторону.

Хозяин еще настойчивее потащил ее к двери. И тут произошло неожиданное: Жи Пи вдруг встал между ними и детским, но спокойным голосом произнес:

– Оставьте ее, дяденька, она вольна дослушать.

В поднятой руке он держал струну. Скрутившись спиралью, пружинка плавно раскачивалась, словно гипнотизируя кого-то. Человек в мантии будто окаменел:

– Ты помнишь, их магия недоступна посторонним? – и, наклонившись к самому уху пажа, прошепел: – Мальчишка!

– Да, к сожалению. Но она не посторонняя.

– Идем в Колизей? Уверен?

– Конечно, дяденька. И я вряд ли нужен вам.

Лена удивленно посмотрела на Жи Пи. Обращение «дяденька» она слышала впервые.

– Дурак! – герцог выпрямился, повернулся спиной к спутнице и тихо, чтобы не было слышно, произнес: – Девчонка наш последний шанс!

Мальчик вздохнул:

– Это так понятно, дяденька.

– Но ты не можешь сказать правду обо мне, – снова наклонившись, прошептал он.

– О чем вы там разговариваете?! – Лена пришла в себя. Хозяин развернулся:

– О вас, милая, о вас.

И, приблизив свое лицо к ней, проговорил: – Разве тебе не жалко его худеньких плеч, на которых вспыхнет накидка? Если не хватит струн?

– Но ведь они у нас! – наивно возразила девушка.

Герцог, махнул рукой, развернулся и бросил:

– Договорились... я подожду, я умею ждать. А зеленый бархат всегда у кого-то на груди... ты ошиблась, – сожаление проступило на его лице, – ты ошиблась.

И о чем-то задумавшись, отошел на несколько шагов.

Гостя проводила его удивленным взглядом.

– Я всегда видел ее лицо! – она обернулась на голос Слепого. – Лицо мамы... правда... только ее. У нас было одно сердце. Одна боль. И одни радости. Пока мама жила. Я стал взрослым... и мне предложили прозреть... увидеть мир... начать жить в нем! Они! – он указал на двери. – В обмен на мать. «Ее все равно ведь скоро не будет», – убеждали голоса.

Тяжелый вздох на секунду перекрыл шум воды.

– Те женщины, на балу – чьи-то забытые матери, девочка. Их отдали выросшие дети... и вполне зрячие... Они много, что отдают им. – Слепой поник и устало добавил: – Я отказался. Потом мамы не стало. В моей груди только половина сердца. – Он снова вздохнул и, вдруг резко подняв голову, произнес: – Врачу не снискать добродетели, спасая жизни, судье – творя справедливость... Обязанность не рождает ее. Патологоанатом тоже честен со своими пациентами, но это не прибавляет ему добра. Черствеет даже священник...

Вдруг мальчик протянул к нему руку и громко спросил:

– Так для чего сверкают купола?! – заставив гостью удивиться еще больше.

– Ты здесь, мой маленький друг... – сидевший повернул голову к ним, – и снова спрашиваешь об этом. Но день особенный... как и твоя спутница. На этот раз ты получишь ответ... вместе с нею. Понять преступную публичность доброты... Как я хочу быть с вами в тот момент!

– О чем он?!

– Так бывает... – прошептал мальчик.

– Корысть скрывают меценаты. Делясь украденным, все требуют награды... Но добродетель – не разменная монета! – Слепой покачал пальцем.

И, вдруг ударив кулаком в камень, воскликнул:

– Не упusti мгновения девочка! Не дай коснуться им твоего сердца, не примеряй дворцовых платьев. Береги его... оно из половинок... готовь отдать. Им, – рука снова указала на двери, – тоже нужна вторая. Не ошибись протянутой рукой.

– Но я... не хочу ничего отдавать... – догадываясь о чем-то, прошептала потрясенная гостья.

– А я всё бы отдал – дни, минуты, жизнь. Добавил немоту и ради этого...

– Ради чего? Я не понимаю...

– Чтобы найти единственную, самую дорогую струну жизни. Ту, которую ловит камертон души. Струну счастья. Среди миллионов звуков, рвущих человека... И если нужно стать глухим к остальному миру, к его обману... соглашайся. Соглашайся... – голова Слепого опустилась.

– Как же найти... струну счастья? – машинально вырвалось у Лены.

– Нужен ключ, – голос стал вдруг монотонно-равно-душным. – Придется отыскать адрес-календарь из Ливадийского имения Её Величества императрицы Марии Александровны... тысяча восемьсот пятьдесят шестого года, в приюте... в нем ключ... Ведь ровно через сто лет родился человек, который откроет нужную страницу... Уже открывает!.. я вижу!!!.. и это...

Потрясенная девушка стояла, широко раскрыв глаза.

– Довольно! – воскликнул герцог. – Ложь, наветы и гадания не ее удел. Не верь ему! – он властно обнял гостью и с силой подтолкнул к выходу. – Туманность советов... призрачность видений... что может быть опаснее такой ловушки? Учись! Учись, слепой! Миром правит прагматичность, холодный разум! На пользу людям! Если бы ты прозрел! Из пещер – в особняки! С утлой ладьи – в роскошные каюты!

– Холод и темнота – прислуга Зла. Тепло – колыбель сердца!.. – голова пленника повернулась к ним. – Даже умирая, сердце оставляет тепло человеку. От лжи к предательству. От зависти – к преступлению! Вот на что меняет совесть холодный разум. И помни, девочка, важна только пометка в календаре! Ведь черный конверт всё ходит по рукам... Пометка...

– Но, но! – перебил хозяин. – Чтобы говорил ты, познай все блага доступные им?.. – он кивнул на спутницу. – Здесь! И сегодня! Удалился, так существуй в себе! Не сбивай других. Не вытягивай. Свобода! Свобода человеку! – герцог погрозил Слепому пальцем, распахивая двери.

Лена на секунду обернулась и услышала:

– Может... – в словах томилось отчаяние, – может, ты все-таки надумаешь ослепнуть? – Пленник смотрел куда-то вдаль, и она заметила слезу на его щеке.

– Не слушай, забудь! Мало ли, что рождает незрячий мозг. Невидящий. Не знающий жизни, не знакомый с ней. Пойдем.

– Но почему он плачет?! – как-то сникнув, прошептала гостья.

– Пойдем, пойдем... – настойчиво произнес герцог и буквально вытолкал ее вон.

ЯПОНЕЦ

Покойница с ума сходила восемь раз.
А. Грибоедов. «Горе от ума»

В тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году на русском военном флоте была прекращена постройка парусных судов. Тогда же родился пионер космонавтики Циолковский, а Герцен принялся за расшатывание государственного строя империи. Одновременно на Европу надвигался первый в истории экономический кризис. Как известно, всё получило логическое продолжение. Однако некий адрес-календарь не признавал такое чествование первой годовщины. Его печатали для другого.

«Какая своевременность событий! – подумал г-н N, увидев в случайности то, что не под силу обычному человеку. «Да и не надобно, сказали бы рядовые граждане и сейчас, к тому же – обременительно... прозорливость тяготит».

Ну а «здоровый сон целебней бреда сумасшедших», – ворчал всё чаще один счастливец» – герой не только нашего романа, но и времени...

Последнее, к сожалению, разделял не только он. Ведь именно таковыми принято называть наполняющих по сей день абонированные ложи. Или «абонирующих» ложь. По-моему, так удачнее и честнее, не правда ли, дорогой читатель.

Первый японский фотограф Ишики Сиро не был удачливым. Повезло. Состоятельность свою он измерял не деньгами и не количеством сбитых с толку людей. Потому и попадал в исключения, которые порой более интересны, нежели правила. Надо же такому случиться, но именно в тот момент, когда Герцен корпел над «основами», ради которых можно убивать, что и усвоили, правда, с вариациями, потомки на всех континентах, седеющий отец маленького семейства расположился с камерой у подножья горы Куно в капище сегунов Токугавы, готовясь запечатлеть чудо – мавзолей феодальных властителей страны восходящего солнца. Известный миру идол-борец и безвестный человечек. Оба одного времени. Но жил из них только один.

Наступил сезон красных листьев. Ишики всерьез полагал несчастными остальных жителей земли, прозябавших где-то далеко-далеко, за океаном, откуда не видна красота увядающей природы. «Годы приносят красоту, но не людям. Их годы ее лишают... если красота в «основах» и «вариациях». А мы не живем, а сбраживаем, – фотограф поморщился, вспоминая запах проквашенного саке. – И всё-таки мир правилен – ведь сохраняется баланс красоты и запаха». – Так размышлял он, когда ехал сюда. Но магия места заговорила о другом... о том, что полнится в человеке... и возможно, прибывает в мире, изменяя баланс в сторону радостного. Мужчина заколебался.

Вот уже три часа он возился с треногой, стараясь поймать нужную панораму, но это нисколько не расстраивало фотографа. Как не могло расстроить никакого другого японца, занятого делом жизни. Тяжелые вздохи, оставаясь слышимыми только ему да стенам мавзолея, приглушались шорохом ветра, которому внимали красные листья.

Ишики накрыл голову черной накидкой, в очередной раз оценивая полноту композиции, и вдруг замер. Через пару мгновений, сбросив ткань, он выпрямился и посмотрел вперед. Растерянный взгляд и несвязное бормотание заметить было некому. Человечек быстро, словно опасаясь потерять момент, наклонился снова, прильнул к аппарату и вскрикнул. Из-под накидки появилась рука и, закрыв колпаком объектив, исчезла. Легкое шевеление ткани выдало беспокойство снимающего. Колпак вновь оказался в руке и тут же был возвращен на место.

Тяжелое дыхание и мокрое от пота лицо – вот что услышал и увидел пожилой смотритель, который тихо появился из-за колонн.

– Ишики-сан, вам нехорошо?

Фотограф несколько секунд молчал. Потом, оставаясь неподвижным, поманил служителя рукой.

– Посмотрите... – произнес он почти шепотом, – там... в объективе...

Смотритель наклонился, еще раз вопросительно глянул на гостя и застыл, обхватив камеру.

– Ну? Видите? Кто это?

Тот загадочно пощелкал языком и, не торопясь, произнес:

– Фреска, Ишики-сан. Резьба по дереву. Ее позолотили двадцать лет назад, во время реставрации. Чудесный кадр!

Ишики в чрезвычайном волнении отодвинул старика, совершая немыслимое даже в этике простолюдинов. Третий взгляд удивленного смотрителя не достиг цели: фотограф уже слился с аппаратом.

– Ну, как же, разве не видите... ветер прогибает пламя, затем бросает языки вверх, а потом снова прижимает к земле! Под ним!

– Под кем?.. Нет, Ишики-сан. Не вижу. Я многого уже не вижу...

АНДРЕЙКА

Бывший москвич, а ныне председатель Иркутского отделения Союза писателей, Виктор Викторович Крамаренко, грузный, но довольно энергичный мужчина с роскошными волосами, ростом выше среднего на излете чудных пятидесяти, а мы допустим, что именно так называют этот возраст люди, в жизни которых было всё, слыл человеком веселым и общительным. Поддерживая, вопреки установкам сверху, не только молодых и перспективных, а и всех, кто попался ему на стезе заботы о литературном братстве, он ни на минуту не расставался с чувством юмора даже в самых каверзных ситуациях, которых, как и знакомых, у каждого предостаточно.

К прошлому страны, в отличие от многих в своем окружении, Крамаренко неприязни не испытывал, памятуя, что именно в нём, прошлом, он окончил университет не потратив ни копейки, а власть бесплатно дала ему квартиру в прекрасном районе столицы. Уведомлением об этом собеседника разговор на известную тему, как правило, заканчивался, ибо возразить серьезно никто не решался. Хорошие же поступки Виктор Викторович ценил необъяснимо высоко. Это знали все. А «необъяснимо», потому как вряд ли кому приходило в голову, что и этой чертой он был обязан нелюбимой многими «той» стране. Примеров таких поступков накопилось множество.

Однажды коллега, вернувшись из отпуска, пожаловался на боль в спине. Сочувствующих было достаточно, однако только Виктор Викторович, узнав причину – тот помогал соседке уложить в постель «неходячую» мать – удивил всех: «А это щедрость души, – заявил он, – жалеть не надо. Раны от щедрости – заживающие». Чем и успокоил мужчину.

В Иркутске Крамаренко оказался на лихом переломе в новый век, который принес незнакомую людям безработицу. То был первый товар из хлынувшего «оттуда» импорта. Здесь, на счастье, и отыскался его старый товарищ по писательским делам – Борис Семенович Метелица. Тоже по роду москвич, который, видимо, отдавая дань памяти о сибирских корнях его странной фамилии, жил к тому времени на родине многих литературных и не только имен. И, надо заметить, жил хорошо и «высоко».

В смутное время плодятся не только прорицатели и экстрасенсы. Уловив лозунг, неосторожно брошенный неосторожным президентом: «Берите суверенитета сколько хотите!» и ошибочно посчитав его продуманным, а не рожденным, столь знакомым на Руси тяжелым утром, все бросились рвать, делить и учреждать не только партии и банки, но и вполне безобидные союзы, землячества и клубы. Так, кресло наместника старорежимного и, как иным казалось, умирающего писательского братства в провинции, главный город которой к тому же славился исторически фатальной неустроенностью, оказалось вакантным. Впрочем, другие связывали «неустроенность» с губернаторами, кои обустроив себя и замов, обращались к последним с традиционной фразой: «Пожалуй, пора и о людях подумать». На что получали столь же традиционный на Руси ответ: «Думаем, душ по сто на брата хватит». Потому известен город был только байкальским омулем и, в нашем случае, вакантным местом. Борис Семенович подсутился, и несколько телефонных звонков направили ход истории отделения Союза в нужное ему русло. Ведь не зря в народе говорят: «Свято место пусто не бывает». А рыбу Крамаренко любил до самоотречения. Таким образом, три фактора, сойдясь вместе, решили его судьбу. Хотя за прошедшие несколько лет эта хитрая дама так и не смогла прийти к заключению: кому повезло больше: месту или его хозяину? Что ж, бывает...

Сам председатель, до сих пор писал небольшие рассказы, и подрабатывал редактированием плодов унылых исканий других Благо желающих украсить легким слогом свои работы всегда предостаточно, независимо от цвета флага над Кремлем.

Однажды Андрей – зять Метелицы и один из подопечных Крамаренко – после фильма «Ворошиловский стрелок» о клятых девяностых, снятого по мотивам повести, которую также

редактировал Виктор Викторович, спросил о переживаниях мешающих вносить правки. Тот, немного подумав, ответил: «Знаешь, я стараюсь скользить по тексту разумом, а не эмоциями, оставляя художественный слух незанятым, а это всегда требует усилий, – но, подумав, по-правился: – впрочем, не всегда удастся, скажу честно. Я ведь, ты, конечно, удивишься... до сих пор жив, – и, хохотнув, развел руками, – вот, помню, роман «Последний муж-чина»... перерывы были просто необходимы... н-да. Да ведь иначе у меня не было бы ошибок. А в непогрешимые мне еще рано!» – добавил он и весело рассмеялся.

Таков был человек, в эту секунду стоявший в коридоре второго этажа отделения Союза вместе с тем самым молодым парнем, и его особым интересом к переживаниям. Дружеский тон разговора, как и всё, что делалось во владениях председателя, были лишь мимолетными штрихами, которые складываясь и множась, объединяют людей простыми человеческими отношениями. Без подвохов и двусмысленностей, без изгоев и любимчиков, чего так недостает нашим горе-руководителям.

– Как дела, Андрюша? Как диссертация?

– Да закончил, защита в конце месяца.

– Во время летит! Отмучился тетка!

– Какой тетка?

– Ну, ты же терзал Андрея Болконского? Психологизм... там... чего-то?

– А... Вот вы о чем... Так...

Но мысль Крамаренко летела уже дальше:

– Послушай, я прочел первые главы твоего романа. Ты, кстати, по-прежнему читаешь лекции на факультете?... – и, не дожидаясь ответа, словно торопя не только свое время, но и время собеседника, председатель по-отечески взял того под руку. – Идем, идем, – указав вглубь коридора, добавил он. – Да, изменилась литература. Технические недоработки автора домысливаются и соединяются умом читателя. Что тридцать лет назад просто оттолкнуло бы.

Одним словом, двадцать первый век.

– Недоработки?

– А что же?

– Замысел.

– А как же уважение к читателю? К примеру, куча лишних причастий?

– Неуважение не в «лишнем». И уважение – не в нём. Оно в поступках... а их, читательских, я не знаю.

– Тогда мотив? Недоработок? Ну и замысла? Для чего утруждать тех, кому мы служим?

– Я служу другому. А мотив прост. Как вы сами сказали, все изменилось... и люди. Но одно осталось прежним – личность. И оттого всякий будет домысливать и соединять по-своему, но к цели, тому единственному, что определено автором, придти должен каждый. В том и замысел. А способность его воплотить – есть талант. Читатель не утруждается, а строит... и сам. Заполняет пробелы, участвует.

– Короче, соавтор? Ну, ну, в недостатке амбиций молодежь не упрекнуть. – Виктор Викторович Крамаренко, улыбаясь, посмотрел на собеседника. – То есть, не видя цели, идет к ней с вами рука об руку? А ведь вам-то, батенька, финал известен. Неравноправие какое-то, – он лукаво прищурился.

– Отнюдь. Цель – да. А финал я не знаю и сам... до конца. Так что вместе, только вместе. Своего рода маленькое причащение творчеству.

– Ну, с этим поосторожней. С причащением...

– Мой читатель не глуп.

– Вот даже как? Вот такой, значит, подход? Что ж, всё новое встретим, не противясь, – мужчина добродушно ухмыльнулся. – Дерзайте, Чацкие... нью вас дженерейшн, пол-банки с луком в коромысло... – юмор председателя был своеобразен.

Собеседник смущенно улыбнулся.

– Да какое «ню», мне уж тридцать два. И причем здесь коромысло?

Андрей Андреевич – молодой человек, преподаватель и начинающий литератор, муж Елены Борисовны, работа которого над диссертацией была, скорее, результатом настойчивости супруги, нежели желанием, смущался не часто. И не оттого, что не слыл красавцем. Простой и нормальный с прекрасным характером наш герой, без лишних и даже обычных склонностей, коими страдают представители мужского пола, представлял собою «идеал», о котором мечтают женщины возраста «дам»... «пройдя», «изведав» и «потеряв».

Однако, обладая качеством «тихой» незаметной увлеченности, что было знакомо лишь узкому кругу близких, увлекся и темой и работой настолько, что Елена, да и вся семья, уже пожалели, что сподвигли на это молодого интеллигентного человека. Карьеру которого выстроили бы и так.

– Тридцать два? А мне пятьдесят семь, не прибедайся. А коромысло – из Суворовских времен, – Крамаренко потрепал парня по плечу. – Удач, удач... – и повернувшись, хотел уже было идти, но вспомнив что-то, остановился:

– Да, вот еще... по твоему вчерашнему выступлению, на встрече, со студентами... о роли литературы. Послушал я, случаем шел мимо... о смысле, как там... творимого внутри каждого и самим собой, ну и всем человечеством... даже в вопросе переселения душ просветил. Заморочил голову молодежи. Рано им. Понимаешь, настороженность в глазах, при повороте головы назад, в свое прошлое, – мужчина хохотнул, подтверждая описанную привычку, – появляется после тридцати пяти. Так что, пожалуй, и тебе рано. Не отнимай радость юности, да и других не обделяй.

– Наверное, бывают исключения... что же мне, закрыть глаза... или притвориться слепым, глухим? Так им и станешь... через пару лет. И холодным. Жить мертвым не могу. – Молодой человек вздохнул. – Знаете, недавно ездили в Листвянку, за хариузом... на обратном пути остановились у Чертова камня, где Вампилова забрали... стою, смотрю как Ангара вытягивает, уносит Байкал на север, до Енисея, потом в океан и всему свету по капельке раздает «священное море»... – задумчиво проговорил он. – И каждому, кто понимает это и хочет прикоснуться – дарится частичка. Где еще такое увидишь? У людей нигде... А должно быть, должно! Пустого и ненужного стало во сто крат больше, обрушилось на человека, заполнило, затмило. Как отыскать, как глотнуть живой воды, ту, что прежде изливали со страниц на современников родники ее.

Говоря это, Андрей смотрел в сторону, мимо председателя. Крамаренко даже оглянулся, но коридор был пуст. Он с любопытством вернул взгляд и, прищурившись, переспросил: – Изливали? Со страниц?

Парень, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Ту, что и сейчас льется, но затерялась, завалена камнепадом оступившегося мира. Который не идет, а ломится уже дальше, не глядя под ноги. С гордо поднятой головой. Ведь «человек» звучит гордо?! Так учат? Уже лет сто? Только не с гордой, а застывшей. Да, застывшей... А потом ступить не туда... снова осыпая, снова обваливая, руша. Но голова в таком положении каменеет. И глаза не ищут. Взгляд уже не оторвать от вершины. А достигнув, слившись, остываешь окончательно. Ведь там – холодно. Друзья – по статусу, а не по душе. Обязательства не совести, а положения и обещаний. Но долги перед ними – подешевле и пожиже.

– Э-эх, – протянул Крамаренко, однако тот, боясь потерять мысль, перебил:

– А я, пока можно, хочу попробовать, вот также капелькой, проникая, только не в каждого, а во всех, в человека земли... узнать, что происходит в нём. Окаменел или способен ужаснуться? Застонать, крикнуть... и ступить назад. Прежде чем холод дойдет до меня, моих близких, до любимых... А может наоборот, прольется сверху, с неба, в тот момент... и не холод, а тепло, свет... и не поверите, – глаза его вдруг загорелись, – уже двигаюсь, иду, а недавно

произошло такое... понимаете, я не первый и не один... – Андрей, поморщился, с сожалением махнув рукой, будто показывая, что зря, ни к месту затеял рассуждения на эту тему.

Но было уже поздно. Виктор Викторович, потянул его к стульям у окна... они присели. Большой коричневый портфель председателя опустился на пол: «Хорошо бы прения затянулись, – подумалось ему, – до чего надоела монотонная качка».

– Хариус, говоришь? Горячего копчения? Еще дымящий? И вареная картошечка... э-эх! Да сто пятьдесят! С мороза, чтоб зубы заломило. – Хорошее настроение не исчезло даже после невеселого монолога. Было видно, что всерьез принимать услышанное мужчина не собирался. – Дважды зря! Во-первых, растравил. А во-вторых, ты эти аллегории брось, Андрюша. Почем тебе знать, что творится на белом свете? Сколько я слышал подобного в жизни... и противу твоего взгляда. Ну, видишь ты зеленые дубравы, поля и нивы сквозь туман, – он снова хохотнул, – брось... а что на душе? У каждого? И сию минуту? Наивная молодость. Да и вообще!.. «знание» – категория отвлеченная. Относительная. Ты вдумайся: всё и на свете. Сколько в эту секунду просыпаются или заскакивают в отходящий поезд? А сколько заворожённо смотрят в небо? А представь, сотни тысяч целуются? Их, чтоб мне лет двадцать скинуть, если собрать в одном месте, с воздушного шара взглядом не охватить. Счастье до горизонта. Только облизывайся... – и весело подмигнув, хлопнул соседа по коленке, – прочь уныние. Рвись в то место! Эх, ма, кабы денег тьма... – недостаток их и пытается нам портить настроение. Однако! – он поднял палец вверх, – обращаю твое внимание, только пытается! Но, и даже это!.. не мешает нам иногда выпить! Как говаривал один знакомый, – Крамаренко потер ладони, – правда есть несчастные... куда же без них? «Губители карманов и сердец» не дремлют! А, Танечка, я прав? – бросил он пробегавшей миловидной женщине.

– Что, Виктор Викторович? – дама сбавила шаг.

– Да хорошо выглядите. Ставлю в пример, вот, молодежи...

Одарив улыбкой, та заторопилась дальше.

Крамаренко повернулся к Андрею:

– А ты: «знаю!». Приземлись. Только Всевышний может знать и видеть всё одновременно. Вдумайся: всё и одновременно!

– Как же он не умрет? Всевышний-то? – Глаза Андрея, опять застыв, смотрели уже в упор. – Как выдерживает такое?

– Не понял? Куда это тебя сносит? – Виктор Викторович посерьезнел, видя, что тот явно не в себе.

– Одновременно ведь не только целуются. Но и рожают. А кого-то грабят. Или убивают. Сотнями тысяч. Представьте, родиться, чтобы скопом, под чьим-то взором, умереть. Умереть... нет, умирать, порой в муках... при отстраненном свидетеле. Без надежды на помощь. Значит, смерть есть нечто обыденное, быть может, лишь очередное событие в какой-то цепочке превращений, известной свидетелю. Превращений задуманных, спланированных, наверное, нужных. И если Бог есть абсолютная любовь, то и нам определен путь лучший из возможных. Так каменеть, что ли? Как многие? Ведь лучший... для каждого. И опять неясно. А как же муки? Просто физическая боль? Ведь насилующих, поди, тоже до горизонта... взглядом не охватить. Да что взгляд... А общий крик, безумие-то как стерпеть? Вопль? Я бы не вынес... Требуется другая оценка совершаемого. А, значит, ваша... наша, неправильна. Если Он выдерживает... всё и сразу, значит, есть нечто... потрясающе более страшное... непредставимое.

Парень по-прежнему смотрел прямо, но человек со стороны заметил бы, что тот говорил в себя, внутрь, обособленно от взгляда, не присутствуя в нём. Крамаренко уловив это, покачал головой:

– Значит, собрался за оценкой?

– Вот, если занавесочку бы приоткрыть... чуть-чуть, хоть на четыре вдоха, – Андрей на секунду смолк, – пятого не будет. В груди же у меня сердце. Или смогу? Или оно только

чтобы гонять кровь? А если смогу? Тогда... какова цена бессмертия? И кто платит? Смерть-то, я знаю... – кредитуется. – Парень снова поморщился. Он уже был здесь.

– Вот куда-а-а... Хочешь сравняться? А может... потягаться? – протянул Виктор Викторович. – Так один пробовал... – и, явно расстроившись, заключил: – Типа, если не сошел с ума, то и актером не состоялся? Остался в ролях самим собой, застрял в ремесленниках?

– Типа того...

– Тогда напомним: «Покойница с ума сходила восемь раз». Добавлю, мы в сравнении с ней – рекордсмены.

– Я знаю.

– Хорошо, потрачу еще пять минут, – Крамаренко щелкнул пальцами и чуть прикусил губу, вспоминая что-то. – Ага, – наконец сказал он, – дело было так... тесть твой, однажды высказал мысль, что сундук, «набитый» произведениями искусства, вовсе не мировая сокровищница, то есть не сундук, а конюшни. Авгиевы. Пора их чистить. Зловоние, говорил, уже повсюду и также одновременно. В твоих понятиях – до горизонта. И всё меньше людей затыкают платком нос. А иным просто некогда – бегут быстро... чаще к тельцу... не до запахов. Значит, остра необходимость чистить. Если глянуть на всё и одновременно. Ловишь общую идею?

– К чему вы вспомнили? – насторожился Андрей.

– К вопросу, который он себе задавал. Кто должен их чистить? Так же, как и ты, между прочим – кто должен рассмотреть? – Крамаренко помолчал. – Ну, чтоб отделить гниль. То бишь, перевести стрелку на верный путь, с колеи, куда затащили наследники Вольтера с Марком. Материалисты, мать их... Все восхищаются их намерениями, но не ужасаются результату! Уж очень понравилась материальность-то... Так вот, о чистильщиках... Я полагал – по десятку, там, от каждого сословия – студентов, клерков, просто людей достаточно проживших. Одиноких матерей – отдельная группа, подчеркиваю особо – повышенная чуткость сердца, категоричность к миру... как и у тебя, между прочим... ну и для баланса – сумасшедших, кого врачи считают таковыми. Да много, всех не упомяну... Короче, весело фантазировал.

– У него было другое мнение?

– Другое.

– И кто же должен?

– Кто может заглянуть! Решается. Такие как ты, например. Прямо так и сказал.

– Интересный был у вас разговор... я, выходит, не сумасшедший?.. – молодой человек оживился. – Ну, спасибо и на том, Борис Семенович никогда не упоминал. А чем ответили вы?

– Глубоким скепсисом. До тридцати пяти полагаю, надо делать глупости. В необходимых и неразумных количествах. Что сегодня и советовал.

– И все-таки, кто может-то... решиться?

– Полюбопытствовал. Кто рвется и склонен служить... как пёс. Настоящие недоумки, без диагноза врачей. Те, кто поклоняется Дали, Вагнеру и Пикассо. Любой сцене, лишь бы приносила деньги, Ницше и Фрейд, Боккаччо с Набоковым... да всем предателям человека после Иуды. Прибавляй виртуозно освоивших обмен таланта на металл, роскошный дом или доходное место. Формула «универсаль»!

Можно менять: доходное место на металл или дом. И наоборот. Убывает только совесть. Короче, те, что купились на западные идеалы христианства – итожил Борис примерно так.

– Вот даже куда?! Они?! Могут решиться? Мне точно с ними не по пути! – воскликнул Андрей и, не отрывая глаз от Крамаренко, чуть повернул голову от удивления. – А вообще, для чего оно нужно-то? Ваше христианство?

– Э-э... куда ты. Один мой друг, кстати, академик, что-то по молекулярной физике... отвечал на такой же вопрос, приведя, по моему, слова Гете: «В науке мы можем только знать «как» произошло, но не «для чего?» и «почему?». А вот христианство объясняет «для чего?»

И подчеркивал: Только христианство! Не буддизм, там... не саентологи, не индусы с их «нирваной», ну и, конечно не Фрейд! – Мужчина расхохотался. – А прочел мой знакомый, сам понимаешь – горы!

Андрей странно смотрел на него, машинально покусывая палец.

– Однако к тем, кто решится... к тестю. Я принял всё в шутку. А может, вариант был пробой... к примеру, меня... Сдается... существовал запасной сценарий. Обронил ведь как-то: еще тот, кто способен умирать. Причем в муках и не за других, оставаясь при этом жить. Не рвется, а способен!.. не брать и поклоняться, а срывать и обнажать. Себя!

– Совсем запутали. А идеалы христианства? Они-то причем?

– Тоже полюбопытствовал. Знаешь, что Борис называл главной заповедью западных христиан: «Ищите, прежде всего, что есть, что пить, во что одеться» – с точностью до наоборот сказанному в Евангелиях.

– Интересно во второй раз. Богословом тесть вроде не был.

– Еще и добавлял: Вот так, с причащением в человека может войти сатана...

– Я вообще Библию не читал.

– Не самый худший вариант.

– В смысле?

– Один монах однажды прочитал, сделал выводы, взял и церковь расколол. Лидер всегда обречен на плод публичности, который так же горек и смертелен, как и первый – в Раю.

– Кто это?

– Мартин Лютер. Протестант. Ну, а потом... уговорил монахиню отказаться от обета, сам сделал то же самое – и женился.

– Захватывающая история!

– А до него... тоже начитавшиеся, кардинал с парочкой легатов Папы, уже из католиков – предали анафеме константинопольского патриарха, отринув славян. С тех пор мы православные.

– Вот это да!

– Всего лишь история, друг мой. Неучащая ничему история.

– Ну да, что-то было... – молодой человек поморщил лоб, вспоминая, – Вагнер видел причину упадка искусств – в длительном господстве христианства вообще...

– Так последуй той заповеди, туда и бухнешься. Логика, дорогой, логика эволюции. Холодный разум. Борьба видов! Так, кажется, оправдывал Дарвин зло. Тоже из той компании. Теперь в рядах борцов и мы... не замечаешь? А ты... хочешь увидеть результат... того, что всё и одновременно. Свидетель-то может и не причем. Главный. А просто – свидетель. К тому же, несожалеющий! Эмоции и страсти присущи ангелам! Да нам, дуракам... простая лошадь – и та к небу ближе.

Андрей пожал плечами:

– Все-таки непонятно... Кто шагнет? Кто сорвет? – тема стала его занимать. – Рабочие пытались, – он усмехнулся, – колхозники не помогли... а как впечатляюще звали – вон, на ВДНХ до сих пор куда-то указывают. Может опять матросов кликнуть?... – не унимался молодой человек, сарказм которого был уже понятен.

– Вижу – не въехал. Однако снисходительная надменность, гораздо хуже открытого унижения человека. Такого тоже от тестя не слышал? А монумент, о котором ты дерзишь, не по зубам, и не только тебе.

– Простите, – Андрей поморщился, – и все же кто? Кому доверить анализ драматургии Еврипида? Не литературный, не исторический, не философский. В чем необходимость как явления? – В голосе послышались раздраженные нотки. – А Софокл, Платон? Или Платонов?... без разницы. А Шекспир? А нынешние? А «протестных» как разложить? Власть? Защищайтесь, Виктор Викторович. – Внезапное волнение Андрея удивило собеседника.

– Что с вами, юный друг? Не стоит оно того. Ни Платон, ни Еврипид под анализ не попадали. Жили они, милейший, во времена, когда ответа на вопрос: «В чем смысл жизни?» – не существовало. А теперь ответу уж две тысячи лет. Отсчет оттуда. Так что Вольтеры вместе с вашими одногодками – горе-режиссерами, горе-ваятелями и прочими пачкунами, снабжающие будущие помойки творческими испражнениями вкупе с мельканием невнятных героев таких же кинолент – готовы доверить вам анализ. Да, да – вам! Им на него наплевать... лишь бы слюна не замарала тщеславие. А что до правды... так Борис был убежден – её чувствуют просто люди. Самые простые. Те, которым и стоит тот самый памятник на ВДНХ. И я согласен.

– И как же почувствовать?

– Очень просто – положить на сердце руку. Знаешь, надо чаще проверять – бьется ли? Если смотришь на картину или читаешь роман, причем, без разницы какой. А когда бываешь в музее, в названии которого присутствуют два слова – «современное искусство», – от груди не отрывать всё время пребывания! Кстати, с музея начать легче, ведь к искусству экспонаты отношения не имеют. Вон, в Америке один художник с музыкантом выпустили пилюли из золота! Двадцать четыре карата! Если глотать постоянно, фекалии станут золотыми. Берут! Та же заповедь – забота что есть, что пить, а теперь уже и чем срать... извини за грубость. Даже интересно, куда пойдут дальше. И заметь – удивительно понятное развитие идеи, как и сочетание авторов. Ну... и место приложения. Вот такие пироги...

Крамаренко сложил руки в замок и покачал головой.

– Пироги?

– Да с налимом! Да что б маслица топленого туда... в дырочку! Обед уж скоро, – пояснил мужчина.

– Завидую вам, Виктор Викторович. От музея к обеду – тоже ведь заботитесь, что поесть? Руку-то, лучше до налима прикладывать, к груди? Как посоветуете?

– А ты не путай образ жизни глотающих пилюли с праздником души русского. У нас это ох, как редко случается! Что до музея... крепко, крепко надо к сердцу приложить, говаривал тесть. Почувствуешь биение, поймешь пропасть между человеком и обманом и затаишь... дыхание-то. Проверено! Кстати, обрати внимание на посетителей – приёма никто не знает. А у иных руки вообще за спиной. Так что, дарю! – Мужчина был снова весел.

– И всё-таки об анализе... так и не ясно, кому доверить. Слишком мудрено рассуждаете.

– Ничуть. Нравственность категория абсолютная. И дана всем поровну. Простота и есть неистраченная нравственность. Упреждая возражения, замечу: простоты хуже воровства не бывает. А люди вовсе не глупы, как внушают себе некоторые. Глупость разума – вторична. А вот «глупости сердца» не бывает! Бывает глухота к нему. Кстати, успешно тренируется литературой. Мозги же такими делают на раз. Вспомни известные работы – до двадцатого века и Да Винчи был просто художником. Есть хорошая книга на эту тему. Согласен я с автором. Еще не вынырнул очередной глуховатый, не трахнул по голове и не скомандовал: «Всем восхищаться»!.. – рука Крамаренко уже непрерывно находилась в воздухе. – Примеров пруд пруди. Вот тогда и бросились... наследники имен и «почитатели» за правом принадлежать... к армии «глуподумов» и «сердцеглухов»...

– Глуподумов? – Андрей улыбнулся.

– Именно! Стараться выискивать нечто... чем восхищаться-то. Сначала с моноклями и лупами, потом – с рентгеном и томографами. А уж с чем какашки будут... не догадаешься, фантазии не хватит. – Он слегка толкнул в грудь собеседника. – Во поклонение! Идолобесие! Какой там Ленин! Иные, конечно, по недоразумению, чтоб «прослыть» или примазаться, или с перепоя, а кто и просто – по настоянию супруги. Но в основном от чувства собственной неполноценности. Жжет, жжет, если спутался в душе. Из кожи лезут, чтобы ноздря в ноздрю! Все краденные деньги на это тратят. Ни копейки заработанной не ушло, заметь. И успешно тратят, коли диалог наш имеет место. Беда с людьми, беда!

– Краденные?

– А что есть собственность? Кража! Прудон, друг мой, не проскочишь.

От взмахов руками и волнения Крамаренко раскраснелся.

– Кстати, есть в той армии прелюбопытный батальон-чик. Собрал тех, кто понял, что проще всего бороться со злом власти. Обеспечена и сцена, и популярность, и деньги. Зла в любой полно – просекли. Отличие в искусстве маскировки. А что со злом в обществе бороться нерентабельно – поняли еще быстрее. Нет отката, да и мелькания на экранах. Валить на систему можно бесконечно. Так же бесконечно оплачивается. Власть всегда виновата – кто поспорит? Мол, потому и тратим совесть и здоровье на стезях порока и излишеств, что плохая! – он усмехнулся. – Многие верят...

Председатель достал платок и, вытирая руки, а делал это машинально, когда волновался, заключил:

– А меж тем пекутся-то об одном. Однако и мельчат изо всех сил, не чураются суеты – выставить себя окружению в выгодном свете. Обрести очередную значимую деталь. Ведь комплекс-то жжет. Неполноценность кортежа! Дословно цитирую тестя:

– Их лечат только деньги и лицемерие. Первым – одно, а батальончику – другое. И непременно оповещать о таких обретениях. Понятно, столько упираться. Демонстрировать начитанность, хорошие манеры, успешность... само собой разбираться в «искусстве», не ездить на метро и так далее. Учат манеры-то специально. С репетиторами занимаются. К психологам ходят. И читают, только чтоб прослыть «интеллектуалом». Не «стать», а прослыть! Даже одежда служит искаженной цели – подать себя. Годятся все приемы. Тратятся дни, недели, жизнь. Иногда делать такое противно... но глушат. Кто чем. Ведь цель требует пожигать совесть. Однако, терпят. Терпят! Муки испытывают! И тоже, между прочим, не за других! Но, в отличие от ранее упомянутых – привыкают. И та замолкает. Опять успех! Такое уж любимое слово у них. Усёк?

– Ну, повернули, Виктор Викторович! – Андрей восхищенно смотрел на председателя.

Тот удовлетворенно крикнул:

– Как ты сказал... смерть есть обыденное, очередное... из превращений? Пожалуй, согласись... А вот эти-то, начитанные... полбанки с луком в коромысло... вряд ли.

Платок вернулся в карман. С минуту каждый думал о своем.

– И вообще, много грусти в тебе парень, – Крамаренко вздохнул. – Заметно не только мне. Это хорошо и плохо.

Плохо, что рано.

– Да повода гулять, вроде, нет, – чуть помедлив, ответил Андрей. – Вон, другие по три книги в год издают... бездарен или ленив, уж и не знаю на чем остановиться. Иногда и страницы за день не напишу.

– Приговариваешь себя. Тоже и хорошо и плохо. Попробую успокоить.

Председатель потрогал кончик носа, размышляя с чего начать...

– Понимаешь, Андрюша, быть молодым писателем невозможно. Если ты молод, закончил университет и пишешь – это ремесло. И будет оставаться таким, покуда не пройдешь длинный путь под названием «жизнь». По адовому полю ее.

– По адовому?

– Именно, дорогой. И путь тот одинаково горек у всех. И у богатея, утешенного «Форбсом», и у последнего беспутного пьяницы. Печальные университеты, брат. Не верь, кто отрицает. Без набитых шишек передать людям можно только пошлость и пустоту. Или выверт... увлекая подменой любви суррогатом, воспевая, там, силу... читай – насилие. – Собеседник откашлялся. – В подменах недостатка нет: красота, расчет, похоть – полки ломаются. А если освоил еще и восточные практики... есть и такие, получится удивительно полноценный бред.

Они ведь меняют адекватность – губят принятое по родовой вертикали. Но оригинально, влечет, а значит – продаваемо! В общем и дело-то в последнем. Я уже говорил.

Он помолчал.

– Немногим, ох немногим удастся оставить ремесло позади. – Председатель покачал головой. – И заметь, явный признак, что ты в заднице – плодовитость!

– В чем же отличие ремесла... от таланта? – Андрей вздернул брови. – Полно достойных и молодых. Всегда, подозреваю, было так. Толстой тоже не в пятьдесят начал.

– Верно. Но ремесло он оставил в пятьдесят. Кстати отличие того от другого мне помог понять один профессор, из «Строгановки». Много лет назад дочка моя, радость папина... дай бог ей здоровья, заканчивала школу и была, так сказать, на перепутье. Сын-то на футболе помещался, как и я по сей день, а она ничем особо не увлекалась, но при этом рисовала. Причем странные выходили рисунки. Изгибы, линии, переходы, оттенки, что-то похожее на миры... и вдруг подобие розы... из наколок иглой, короче, абстракция. Но смотришь – завораживает. Рисовала везде, в школе на уроках, дома, в гостях... где бумага попадалась. Взял я в охапку листочки те, да поехал в «Строгановку». Нашел профессора и спрашиваю: «Что выйдет из нее, куда поступать?» А он помолчал и говорит: «Раннее творчество. А вот, куда... даже не скажу. Могла бы на любой наш факультет, да не поступит. Обязательный экзамен – рисовать лицо натурщика. Фас, профиль... там. А ведь она в художественную школу не ходила? Впрочем, что спрашиваю, там выбивают все это. – И тычет в листки. – Убили бы творчество. – Потом подумал и огорошил: – Но если уж очень захотите, я за три месяца могу научить ее. Не бесплатно, конечно». – И смотрит на меня обалдевшего. «Как научить? – говорю, – разве для этого талант не нужен?» – «Да какой талант? Ремесло. Там полпальца отступить, здесь добавить, вот и нос с бровями. Ремесло». – Тут я осмелел: «И меня сможете? Научить»?.. – тогда еще жил надеждой поездить на этюды – девки молодые всё вокруг вертелись. – «Три месяца, и можете пробовать портрет, – отвечает». Вот тогда и понял: научиться живописи может любой, в деньги превратят тысячи, а в искусство лишь один! Так и в литературе. – Виктор Викторович достал сигареты, помял пачку и, смутившись, со вздохом сунул обратно в карман. – Бросаю. Дочери обещал.

– Значит, всё лучшее впереди? – Андрей грустно улыбнулся.

– Главное... человек делает в конце.

– А как же умирают молодыми? Или вообще детьми?

– Заметь, я не сказал: в старости. Выходит, уже сделали главное. Повезло. Раньше нас к богу с ответом приступят... за то, что признавали идолов, да кумиров. А мы попозже, но с грузом потяжелее. Набиваем неудобными вопросами, своё предсталище перед богом-то! Так-то брат, не завидуй. – А дети?

– Тоже сделали. Может, кому-то просто своим рождением... Даже, скажу страшнее, – порой нерождением. Этот факт сам по себе меняет мир... каждого из нас, а не только участников... того и другого.

– Что-то невероятное говорите.

– Давай-ка вернемся к тебе. Вот ты говоришь, и странички не выходит иногда. Поверь, забирать у себя, отдавать книге душу, больше двух, трех часов в день нельзя. И не потому что не хочешь – она не может. Душа. Рвать сердце вверх и жить – не получится. Срабатывает защита. Бессилен человек. А по книжке или картине в полгода – ремесло. Не отдаешь, а забираешь. Не добро, а деньги. Если со-гласен – будет всё. И романы, и хоромы и даже похороны. Но с тяжелым монументом. Давить будет до смерти. До, той, настоящей. А отдавать ... – труд тяжелейший. Таким не по плечу... – Крамаренко вздохнул. – Но сначала, Андрюша – адову дорогу. Рука об руку с Достоевским. – И видя удивление, добавил: – Да, да – по его каторгам. Или с Толстым, по брустверам и траншеям дневников. Смерти надо насмотреться. Чтобы как кол в горле... и только потом... вытаскивать. И боль терпеть. Да с другими ею делиться, если

не испытали еще. А вообще... – он усмехнулся и хлопнул вдруг в ладоши, – если от кого услышишь, что он художник – осмотришь, нет ли рядом зазевавшихся санитаров.

Собеседник не мог сдержать улыбки:

– Думаю, все-таки народ не согласится. Посмотрите сколько написано, книг, картин, фильмов снимается... и любой скажет – искусство.

– Ты за всех не отвечай. Они еще и о духовности порассуждают. Важно не то, что скажут, а та правда, которую знаешь только ты... только! Для заработка делал или деньги приложились? А может о статусе думал своем?... ну, среди друзей? «Писатель»! Щекочет? А? Меня тоже щекотал, не дрейфь. Мол, смотрите, снимаюсь, выступаю, востребован народишком-то! Именно так, уменьшительно. Кто ж не мечтает о такой славе? Народной? Вдумайся, как виртуозно маскируют тщеславие. А другие нагло, натиском! И ты туда же! Здесь главное – очухаться. Если мечтаешь о народной, а не с собой говоришь и о себе, подл для души-то становишься. И для их и для собственной. А вот если не кому-то, а себе нашел место... на страницах, свою роль на сцене... жизни-то – держись до боли, зубами скрипи – будь покоен, если на душу легла... на твою, подчеркиваю!.. то и на другие без намерения уже подействует. Точно! А желать такого намерения – преступно. Само случится. И кто-то не сопьется, не станет подлецом. Остановит. А иной и пример возьмет. Тут уже совсем другие «пенаты». Это тебе не счет с нолями, не золоченые карнизы. И дети пойдут в награду. В самую что ни на есть высокую, а не в обузу и боль. И не поверишь, какой цены огонек засветится в тебе, засверкает. Никакой «Кохинур» во сто карат не увлечет. Другим станешь! Так кто ответит, что на уме-то у тебя было? Второе – забота о людях? Ну-ка? А может, на улицу Сахарова? С плакатиком? По телику увидят! А?

Молодой человек развел руками.

– То-то. А народ не трогай, не сбивай. Пиши или работай, да не твякай за других.

Крамаренко улыбнулся и похлопал Андрея по плечу:

– А книги, на которые киваешь, не от щедрости души, и не от сердца. Их можно и весь день капать, не износишься, – мужчина наклонился к уху собеседника и прошептал: – лишь бы жопа не затекла. Меняй творчество на ремесло. Душу на медные трубы. Совесть – на деньги. Тогда и по три романа, и по пять полотен в год. И ролей не перечесать! Карьера удачлива, и жена довольна. Уж не вырваться... У него... – и кивнул в сторону, – хватка мертвая.

Кумекаешь?!

Оба рассмеялись.

– Тьфу... ладно о дурном, – Виктор Викторович всё еще улыбался. – Другое дело, что идея Бориса – утопия.

Но ключик у тестя все-таки был... – Какой ключик?

– Не распространялся. Уж извини покойника.

– А мне кажется, надежды нет. Если титанов не послушали. Вон, от Довлатова и Достоевскому досталось. А «тургеневские женщины», у него вызывали любые чувства, кроме желания с ними познакомиться. А ведь писал честно. Да и человек был хороший. Сами же говорили: о мертвых – только правду! И ведь наши мэтры думают также... но лгут, прикрываются именами. Кто из них отдаёт? Все капитулировали. Одни шутовством куют монету, другие – глубокомысленно рассуждая о вечном. Завидуя при этом гонорару третьих, что просто стригут купоны и, не скрывая, плюют на наследие. Кто поднимется? Кто про-вернёт?... так заржавело. А с театрами что творится? – В голосе Андрея слышалась безнадежность. – Вот и получается, чем жил Борис Семенович – никто не знал... Крамаренко устало вздохнул:

– Ну, «тургеневские» у меня вызывают то же самое. Украл «дворянское гнездо» у Бунина... да что поделаться... А вот судьи кто? Кто судьи-то, мой друг?... – выжившие в борьбе видов! Что же ты хочешь? Всё идет по плану... Главное – следовать заповеди: есть, пить, одеваться. Ты запиши, запиши ее, для лекции. А потом... в церковь, на причастие. Зашел, покался, свечка. Зашел, покался, свечка. И уверены – служение людям, начальству, богу. Охва-

тили вроде всех! А, да, еще близких привести за тем же. И это еще ничего, если так-то. – Председатель о чем-то задумался и провел по лицу ладонью – будто вытирая пот.

Мимо с шумом проследовала компания студентов.

– Чем жил, говоришь? А чем живут они? – Виктор Викторович, не замечая удивленного взгляда Андрея, указал вслед. – Ты, кажется, взялся это увидеть? Половину я рассказал, вторую мог бы и сам у тестя узнать, чай, не врагами были.

– Нелюдим был родственник последнее время.

– Я такого не замечал. А вот как проверить... Однажды, помню, после ужина, хор-рошшего такого ужина, Борис ответил... как и всегда, в своеобразной форме. Н-да, «дело было к вечеру, делать было нечего», – оптимизм мужчины, казалось, обрел новую силу. – Обсуждали мы одну из готовых к изданию его книг. Я спросил тогда, кто будет читать? Массовость точно не обретет... да и вообще, не видел определенной группы. Роман сложен, что никак к достоинствам не отнести. Знаешь, как ответил?

– Как?

– Рассчитан на меньшинство из противоположностей: одних – успокоить в сокрушении, других сподвигнуть на сокрушение.

– На что сподвигнуть?

– Ну, можно иметь сокрушенное сердце, а можно сокрушать. Сдается мне, искал нового Савонаролу. Предвидел появление. Утверждал, что их много, нужен только импульс, толчок. Правда, был уверен в наследии трагической судьбы предшественника. Этакая спираль падений. Лидер, попытка увлечь общество вверх и снова... провал.

– Так самый, что ни на есть революционер?! А для чего попытки? Если обречены?

– О! Это ж главное! Умирая на подъеме, человек уходит к Богу, говорил. А в падении... ну, сам догадываешься. Так что необходимы, подъемы-то, с жертвами, с преодолением, черт-мерностью. Революционер, полагаешь? Может и революционер. Только здесь путаница... вон глянь на Украину – революция или переворот? Как удобнее? – Крамаренко пожал плечами. – Поди сейчас разбери. А в нашем случае, кому суждено – прочтет. Верил Борис в «Перст»! Подведет, мол, и откроет. Мои книги, говорил – универсальны. Разговор с собой. Любой может дать своё имя герою. Но каждая – приговор. – Неожиданно лицо его расплылось в улыбке. – Был такой футбольный судья – Пьерлуиджи Коллина – харизматичная личность, сущий демон. Ты глянь на фото в интернете. Игроки не смели перечить! Так вот он любил повторять: каждый матч – финал! По-моему, в чем-то оба похожи. Посуди, если любой стих писать как последний. Или книгу. Или картину. Такое возможно только с помощью... неба. Потому как совпадают цели.

Андрей скептически улыбнулся, но внимание не оставило его, а лишь придало лицу некоторую задумчивость.

Собеседник, тем временем, продолжал:

– Борис практиковал этаким продуманный подход не только к замыслу, но и к читателю. Один, ну, возьмем рядового, прочтет лишь десятую часть и получит всё необходимое, ничего не потеряет. Но! Главное, приобретет! Из той, десятой части. Другим он вообще советовал пропускать пятую, или какую там... главу. Даже на книгу ограничения по возрасту давал. И тоже, считал, безболезненно. Третьи, интеллектуалы, уж прости ты их, «высокого» полета, был уверен, прочтут не раз. Заставлю, говорил. В них, в отличие от первых, недостаточно бросить семя, чтобы проросло. Испорчены чтением дерьма, просмотром и прослушиванием того же... Им нужен не стебелек, а крепкий саженец, да с таким же корнем. Тогда пробьет. А возвращаться к тексту они будут, мотивы тесть разбросал по книге. Скрытно. Так и говорил. И до понимания эта группа риска все-таки дойдет. Так и называл их в отличие от «рядовых», которых ценил несравненно больше. «Почвой» величал. Интеллектуалу кувырнуться с верной дорожки – что палец в прорубь сунуть. Кульбиты делают на «раз». Замечалось всегда, а массовым явление

стало только сегодня. Психоз, болезнь. Но лечится. Простые же люди не мнят себя чёрти кем – кругозор не с высвистом, а земной, прочный, надежный. Даже к похмелью более устойчивы, между прочим. Что, заметь, в жизни немаловажно. Кое кто же, – мужчина ухмыльнулся и подмигнул парню, – вообще считает главным!

Тот покачал головой, удивляясь всё больше.

– Трезвый расчет именно в знании таких черт, – поучительно продолжал Виктор Викторович. – В интерактивном, выражаясь по-вашему, подходе к читателю. Так что всем! Так и говорил. Ну, а отсюда его отношение к «листающим»: интеллектуал не губка, а работяга – не стен-ка. – Он снова махнул рукой, – еще и добавлял: «Минусы первых традиционно хуже недостатков вторых». История, брат! Нечто подобное он и полагал в основу подбора людей для «конюшен».

Тут Крамаренко неожиданно замычал и забарабанил пальцами по колену: – М-м-м. Ба-ба-ба... что-то упустил, что-то упустил. – Цокнув языком и почесав лоб, он ударил вдруг тыльной стороной ладони о другую руку: – Роль литературы! Во! Напряги извилину, ибо выступление мое – манеру можешь перенять, – и одарил парня очередной улыбкой, – завершить хочу особой ролью литературы. Без финала никак! Архисерьезного. А для тебя и твоих лекций – решающего. Для начала такой факт. Тургенев перевел на французский Пушкина «Я вас любил...». Флобер ухмыльнулся: плоско. Да, да, тот самый, что растоптал в современную эпоху требования относительной порядочности в нашем деле. Это, надеюсь, тебе как доценту известно. А дальше – последователи: Золя, Мопассан, их пламенный агитатор – тот же Тургенев. Прочие «творцы» наркотического угара. Жало в дух! Да ты же читал, помнишь, ходил по рукам один роман? Дочь издателя Сапронова, приносила...

Андрей утвердительно кивнул.

– Но! – Крамаренко поднял палец высоко вверх. – Каковы надгробия! Будешь в Париже – посмотри. А теперь ответь, что первично? Для выбора читателя, сегодня, сейчас. Кто пишет? Или о чем пишет? А может, надгробия?

– Ну, выбирают первое.

– А значит, надгробия. Сегодня «кто» – не человек внутри, а имя, навязанное рекламой. Фетиш! Идол. Таким в храм хода нет. Вот она, цена славы! Иных еще не схоронили, а камень уже шлифуют. Издательствам поручили. И не боятся ведь... хозяева-то. Не верят в расплату за растление. Масштаб пьянит. И ведь в церкви... ироды бывают. – Раскрытая ладонь мужчины медленно сжалась в кулак, грозя кому-то. – Опять же тогда ясно, почему молодому литератору, читая эту «политуру», кажется, что он безмерно талантлив. Да что наши! Тронь Фолкнера или Стейнбека – загордишься! Не всякие нобелевские лауреаты вызывают подобное чувство. А их много, ох много... ну и понятно, с монументами!

Тут Крамаренко вдруг повернулся и, взглядываясь в угол коридора, пробормотал: – А это еще что такое? Зыбь какая-то... нет, постой, да это же Новиков! И еще кто-то... Смотри, смотри, Андрей – один из шлифовщиков! Вот те на!

Второй, хотя и посмотрел в ту же сторону, ничего не увидел.

– Что с вами, Виктор Викторович?

– Да нет... все в порядке... бывает же. Да-а! Ну, ладно, – буркнул председатель, еще раз глянул в угол и потер лоб, вспоминая ради чего всё начал. – Закончим с вашей лекцией.

Добродушие снова было на лице, а обращение на «вы», обманывало близостью финала, против чего не возражал бы не только слушатель, но, думается и листающий страницы. Однако, наберитесь терпения, их, мучительниц, осталось всего три, а тему, которую взялся прояснять Крамаренко, весьма интересна, в чем тут же убедился и Андрей. Ну а вы – присоединяйтесь.

Итак, не заметив ничего подозрительного на лице собеседника, и, само собой, наше отступление, Крамаренко, потеряв ладони, продолжал:

– Понимаете, милейший, вся болтовня о переселении душ, упирается в одно любопытное обстоятельство: животное не может, не способно становиться лучше, подниматься. Но и стать хуже, чем есть, не может. А у человека путь вверх, к совершенствованию, предела не имеет. Но и пропасть позади бездонна. Что нашему брату хорошо знакомо, – Виктор Викторович снова щелкнул пальцами, считая их более средством выразительности, нежели осязания. – Жизнь полна примеров, когда человек не просто опускался, а превращался в «нелюдя». И лошадь, к примеру, оставалась для него недостижимым идеалом. Порой, знакомясь с историей, невольно думаешь, что тварью быть легче, – он вздохнул. – Но есть особенность. Чрезвычайная по важности! Мы только здесь, при жизни способны стать лучше. Приблизиться к правде. Не лгать, не падать. Там, – он указал вверх, – после смерти, душа теряет такую возможность, потому как «приближение» то выражается плотью, ее действиями. Собственно после «яблока Евы», нас всех можно было бы отправить в ад, да попустил создатель нам некоторое время, да, да той самой жизни на земле, чтоб очнулись, прозрели! Но не в коня, видимо, овес... тьфу, овес-то как раз по назначению.

Андрею вдруг показалось, что он присутствовал не здесь, не в коридоре, а на каком-то действе магии слов, жестов и гула, но не от говора и шагов проходивших мимо, и даже не от голоса собеседника, который уже казался ему другим, лишь отдаленно напоминавшем того, прежнего мужчину, а гула и легкости других слов заполнявших сознание молодого человека чем-то новым, неведомым, но принимаемым его сутью и душой.

– Здравствуйте! – Голос вернул его сюда.

Крамаренко раскланялся с видным мужчиной, на большом, выпяченном животе которого, лежал галстук.

– Так вот, личность по ту сторону, – он уже смотрел на молодого человека, – продолжая жить, ощущая полностью себя человеком, с памятью, рассудком – видит истинную цену поступкам, совершенным на земле. Но, не имея воли и власти над утраченной плотью, с ужасом сознает, что упущено главное, ради чего жил ее владелец. Суетился ради ничтожного. Каким пустым вещам придавал значение, а в отходах искал смысл. И начинает страдать, мучиться. Потому как место там отводится соответствующее поступкам. Тысячекратно муки те превосходят ожидаемые. Тысячекратно! Они нестерпимы! Для чего и нужна молитва отсюда. Это не отсебятина, друг мой, а, таково коллективное мнение святых подвижников – от свидетелей первых вселенских соборов до оптинских старцев. Этакое упрощенное понятие ада. Вовсе не котлы с кипящей смолой, как видишь. Что за муки и почему неожиданные, я поясню, коли не забуду, позже. А здесь, для нашего разговора, с темой значимости, значения произведения, что и связано с ролью литературы для писательской души, необходимо отвлечься. – Он погладил рукой подбородок, встал и прошелся.

– Знаешь, какой вопрос задают священникам чаще всего?

– Какой?

– Можно ли молиться за самоубийц?

– Я слышал, можно.

– Верно. Но интересует нас другое. Есть твердое христианское мнение по другому вопросу: можно ли вообще помочь умершему грешнику? А все мы, напомним, таковы. И состоит оно в следующем: душа не только самоубийц, но и просто умерших, ну, там близких, знакомых, как я уже сказал, безвольна. Ибо воля может управлять только телом, а именно – поступком с материальными последствиями. То есть влиять на развитие мира... и, прежде всего, на себя. Примеры поступков известны: украсть... не обязательно вещь, деньги; ударить человека и необязательно физически, вовлечь его в свои пакостные дела, необязательно уголовные. Но и, напротив, сделать совершенно противоположное – одарить, снизить, почувствовать боль как свою... короче, протянуть обделённому руку – дать понять, что он такой же, как и ты – че-ло-век! Ведь обделил его сам же! Именно поэтому у него нет того, что есть у

тебя. Точнее, что несправедливо считаешь своим. Помнишь? Собственность – есть кража! Но это высшая точка понимания... не каждому дано. Н-н-да. – Он снова щелкнул пальцами. – Так вот, когда же материи нет, всё это становится невозможным, недостижимым. Тут высшая точка понимания тебе и открывается. Да поздно. «И наполняются неслыханными страданиями нощи твои». Однако помощь даже там, – Крамаренко указал наверх, – личность получить может. Слышишь, может! Но единственным способом: молитвой с земли. Молитвой людей. Такова и есть все повторяемая «Сила Слова». Сила молитвы! Таинство. Волшебство. Настоящее! Это тебе не хвалиться общением с духами на всю страну. Молитва, брат! Направленная, скажем... на облегчение мук души там, перемещения «болезной» в другие «обители». То есть, когда насильник «там» попадает к насильникам, а растлитель, в том числе литературный – к таким по жизни. Согласись, оказаться среди подобных, прожив на земле с нормальными людьми, которых безнаказанно истязал, насиловал, сбивал столку, без ответных действий от них – сущий ад. Ведь там собирают всех по их страстям, наклонностям и порокам. И делают всё это они уже друг с другом! Так вот молитвой живых он может получить то, что упустил здесь. Таково, повторю, мнение церкви. От коей я так же далек, как и ты. – Крамаренко усмехнулся. – Так что, пока Сталина проклинаят, гореть ему в аду, а как только поставят свечи...

– ???

– Поставят, поставят! – Крамаренко опять прошелся взад и вперед. – Откуда знаю, спрашиваешь? А я в детстве любил передачу «Хочу всё знать», а не комиксы.

Председатель стоял напротив Андрея, покачиваясь на носках.

– В том и долг, напомню, настоящего верующего – молиться за врагов своих. А он, тиран-то, что ни на есть самый беспощадный враг. Значит, молиться о нем следует больше чем за простого грабителя. Да что там, больше, чем за близких! – Его палец уткнулся в сидящего. – Такой парадокс... н-да, – снова произнес он, – на самом деле вполне понятный. Это тебе не что есть, что пить и во что одеться. Это православие брат, азы! Труд. Подвиг! Так вот, как начнут – так и потянут из адова пламени. Кстати, отдаляя и себя от печки.

– Интересный у нас разговор получается. Прямо урок... в богословской академии, – Андрей был уже серьезен. – Только я не понял, как связано это со значением литературы? – он с интересом смотрел на учителя, хотя то многое, что и раньше брал от знакомого семьи, оставалось вне собственных убеждений.

Виктор Викторович окинул молодого человека пытливым взглядом, и, словно понимая это, уже без энтузиазма произнес:

– Что ж, к нашим баранам... – он присел, подтвердив тем самым обман с близостью финала: – то бишь, к тебе, – и кашлянул. – Ты написал книгу. С момента окончания, заметь, главное – не выхода в свет, а окончания – это твой след на земле. Видимый и вечный. До конца не понятое никем явление, которое будет работать за тебя и после смерти, и чего лишены другие. Нет, конечно след на земле оставляет каждый, в разных формах... хотя иным бы лучше не следить. Хотя бы в детях. Что воспитает, к чему вобьёт уважение, то и получит... там, – он снова кивнул наверх. – Ну и при жизни, само собой. Губить детей, кстати, проще. То есть, человек формирует некие последствия своей деятельности, поступков, влияющие на близкое окружение, с кем общался, жил. Но лишь художник оставляет наследство видимое массам, а не единицам! И влияет уже на мораль масс, а значит на пополнение общества добротой. Ну, или на убавление таковой... Даже думать о таких страшно. Ведь тебе, кроме общедоступного – разума, мысли там, движения, – Крамаренко вдруг хохотнул, будто речь шла о чем-то незначимом, – помнишь... «гнать, держать, смотреть и видеть, дышать, слышать, ненавидеть»? Или головой на уроках вертел? Слова-то, как подобраны – либо сами являют страсти, либо рождают. Прям, бесовщина какая-то! – и снова хохотнул. – Ладно, отвлекся... так вот, кроме этого тебе... как художнику!.. бог дал талант писать, сочинять, снимать. Влиять на судьбы. Впрочем, как и всякому боссу. Но и спрос установил иной. Если твое детище будет трогать сердца, помогать

другим подниматься по лестнице к правде, которая есть любовь к человеку и ничего больше, ничего, повторю больше!.. значит, и вспоминать тебя будут словом добрым. Века!.. – строки-то останутся на земле-матушке. Продолжат работу! Очищая. То и будет молитва за тебя. Ну, или проклятие. И какая, если молитва! Не записочка «за здоровье»: на-те, прочтите, уж как-нибудь... а я по хозяйству тороплюсь – дел неуправляемый. И ведь всерьез думают, что бумажка заменит. Обращение к кому подменяем? И чем?! А у художника во сто крат строже! Он сеятель по призванию. Не приведи бог сеять в творениях жестокосердие, прикрываясь борьбой со злом или лукавить с плотью, приговаривая: «это жизнь». Жизни «вообще» не бывает – она всегда чья-то. Тому и отвечать. Тебе же – за те зерна, что оставил в душе читателя. А может и жала. Вдруг, инфицировал? Как и собственной жизнью, между прочим... бытом, вызывая зависть, принимая успех как желаемый, красуясь и преподнося как образец, себя любимого.

– Причем здесь зависть? Пусть берут на себя те, кто озабочен ею!

– Десять появлений на экране, приравниваются к одному греху. Не слышал? Именно потому, что возбуждает зависть. И сразу у миллионов. А рядышком злоба и поступки. Угадай, чья доля вины в них точно есть? Так что, увлечение публичностью даром не проходит. Болеют они все. За улыбкой – несчастья. Удовлетворение от успеха – такой же порок. Тяжелейший, потому как неисправим. Но кто задумывается?

– Получается, нерелигиозной духовности не бывает? – с сарказмом заметил Андрей.

– В точку. В самую что ни на есть! А сарказм пройдет, – мужчина снова добродушно похлопал парня по плечу. – Главное – дошло!

– А как же все разговоры о ней? О духовности? Всеми и везде?

– Забудь.

Молодой человек как-то странно повернул голову в сторону, задумавшись. Крамаренко глянул туда же и потер подбородок.

– Н-да, – произнес он, видя, что внимание возвращается. – Доложу вам, даже просто рисовать насилие и кровь, распущенность, то бишь, свободу, не давая оценки – чревато. Тут жало уже в себя. Твердой, понятной оценки. У человека должно остаться не восхищение бабьими сиськами или блестящим описанием чего пониже. Таких «творцов» с засученными рукавами пруд пруди. То всё для денег, для любования известностью. Если творишь с целью, продать, получить, завоевать... а значит – отнять... Беда! Беда, – повторил он. – Ведь и понимают многие потом, да куда деть уже брошенное людям яблоко искуса? Не стереть, не вымарать, не сжечь. Уже не вылезти из кожи райского змия. Са-мо-убийство! Seriously предостерегаю. – Председатель вздохнул. – Между прочим, взяточник желает того же: продать, отхватить, получить. Только душу, деньги и место. Лучше было бы таким людям не родиться. Будущее – в помойке. Как и сейчас многих из прошлого. Помнишь? «О мертвых – только правду!» Рано или поздно взроет пласт обмана. И отомстит. Судьбою потомков, которою так был озабочен. Ведь отнимал. Для собственного благополучия. И заклинания типа: я желал всем добра – эхо в пустоту. «Не тот чист умом... кто не имеет в себе зла – ибо скотоподобен!»¹ Сегодня особый оттенок у слов великого подвижника – я рассказывал о нем на семинаре, помнишь? Андрей кивнул.

– То, что на самом деле говорило в тебе, настигнет. Книга – это необоримый детектор лжи, рентген! Высвечивает все наклонности, слабости и скелеты. Не выскочишь! И что твои... или натворил, будет толкать вниз и вниз, пока не истлеют страницы, картины, память. Осторожно!.. – мужчина погрозил пальцем, – клади кистью мазки. Страшись великой силы слова! Если не душа рукою движет.

– Какие-то ужасные вещи говорите. Прямо как прокурор.

Крамаренко улыбнулся:

¹ Исаак Сирин. «Слова подвижнические».

– Я просто цитирую одну книгу. Ведь можно хоть раз помыслить себя на другой кафедре? А? – он хлопнул по своим коленкам. – Так вот, резюме: пером-то, Андрюша, ты и пишешь смертный приговор... себе. Или молитву. За себя. Сорокоуст на века! Который и будет тащить за волосы из трясины. – И довольный впечатлением, «отпустив» собеседника, наслаждался замедленной реакцией.

Андрей кашлянул, снова отвел взгляд, будто обдумывая что-то, и спросил:

– С бессовестными художниками понятно... согласен... С пустыми... вроде, тоже... я имею в виду, тех, кто не даёт, как вы сказали, ясной оценки, а увлечены «известными» сторонами жизни. А как быть, если со страниц – правда, а сам ты другой?

– Обман читателя. Зрителя. Поклонника.

– Нет. И пишешь, и снимаешь искренне... даже играешь, и зовешь... Но сам не следуешь?

– Сложный случай. Не на раз...

– Но ведь это правило, среди настоящих-то. Ни одному человеку не удавалось стать праведником. Что тогда ему остается?

Крамаренко задумался. Он чуть наклонил голову, потрогал нос и внимательно посмотрел на молодого человека: – Вот, что я тебе скажу, Андрей... Я не знаю ответа. Но мне кажется... остается надежда. Если уж чему-то оставаться. А?! – И уже весело заключил: – Впрочем, может я всё зря. Ведь потомки всегда «надменны» по Лермонтову. И руководства к действию татарина Державина не читают.

– Какое руководство?... – слегка спутавшись, но восхищаясь в душе умением председателя менять тему, спросил Андрей.

– А вот:

*...Я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти будет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.*

– Хоть часть, да убежит!

– Татарина?

– Говорю, надменны, – Крамаренко снова расплылся в улыбке.

Андрею отчего-то подумалось, что сейчас... именно сейчас улыбка стала естественным состоянием лица. Какой и должна быть у всех людей. Всех, без исключения.

– И «Держава» – слово татарское, – заключил собеседник. – Мотай на ус. Татары и русские, обновляясь кровью, и рождали «пиитов Третий Рим». «Державу новую ваяли!». Так что, равнение на орду! На подарок свыше. Ибо она и есть причина русского величия! А ты? Уж, не на современников ли похожим хочешь быть?

Парень ошарашено посмотрел на него: – В каком смысле?

– В каком, спрашиваешь? Да всё в том же. Книга, – Крамаренко с силой сжал поднятый кулак, – книга – это твой нравственный и физический труд. Так вот, первого почти никогда не вложено. Вода в ступе. И людям передать нечего. Возьми серийные детективы – какие увлекательные произведения. Труд – колоссален. Глянь на тома. Но физический. А нравственного посыла, разговора души авторов – нет. И быть не может – не вынесет она такого количества страниц, картин, ролей – износится, изотрётся. Если отдавать в каждой! Да и человек не выдержит. Всему предел есть. После таких разборок отпускать надо себя, лечиться, отдыхать. И долго. Какое уж тут «многообразие»! Пьянство – тоже средство. Потому как это не просто разговор, а линчевание того, что в себе скрываешь... спрос! Второй по значимости... после бога.

Один мой знакомый признавался – если закрыться в маленькой комнате в доме, и допросить себя с пристрастием, то услышишь: был ты в жизни и подл, и лгал, и предавал, и пользовался, и совращал. Но кто ж такое напишет?! Свой разговор-то с душой? Какую струну нужно найти?! Какого человека встретить?! В чем отчаяться?! А? Вдумайся. Не... лучше тома и деньги. Это цели попроще. И какую выжимку будешь являть собою через год, если все-таки посмеешь?! Посмеешь! Так что... берись-ка за детективы... иль коверкай историю бомбистов на свой лад, коли слаб. Завтра, глядишь, кто-нибудь возьмется и Карамзина затмить.

– История государства Российского?

– Ну, да.

– Так уже!

– Что ж, осталось только нашим сквернословцам замахнуться на «Толковый словарь»

Даля.

Крамаренко развел руками и долгим, изучающим взглядом посмотрел на молодого человека.

– А вот книга твоя... настоящая, лишь тогда имеет право называться именно так, когда ты заговоришь! Полновесная книга – тяжелит и преследует тебя. Покоя не жди. То и есть щедрость мук. И другими с наскака не берется. Как и роль, и картина, и постановка. А власть!.. после нее задумается о людях! – Вдруг заключил он и рубанул рукой воздух. – А ты... не печатают, пропал. Дурак. Разве ж это важно! – Мужчина удрученно покачал головой. – А вот попробуй-ка переживания героя выложить на страницы... да не в любовных интрижках... и притом изуверски пройдя это сам... измучь себя, примерь, проживи! А?! Сможешь? Да выуди их из поступков, с характером увяжи – чтоб читателя не горошить. Отчего, мол, герой, такой честный, искренний и прямой, вдруг избивает женщину? Или коммунист, комдив – ворует «общак»? В фильмах, да книгах – обычный ляп... если принимать на грудь, за тем же столом, что и пишешь сценарий. Это тебе не цвет рубашки разный в кадрах. Саднит. Не могут они подвести, раскрыть, уловить. Соберется вот такой междусобойчик бездарностей, и крапают за государевы деньги сценарии – на телеканалах много платят. Но только своим – чужой не подступится. А в чужих-то и соль! Перепахивать вдоль и поперек, искать, никто не хочет. Оплыли. Одни и те же лица на сценах. Каждый день. Каждый год. Ты почитай, почитай современную литературу, да театралом заделайся. Осознай, как не надо писать да снимать. А вот потом приходи.

Мужчина поморщился и потер подбородок, что-то вспоминая.

– Да! – воскликнул он. – Думаю, что упустил? Пре-интереснейший факт. В одном издательстве со смехом!.. показывали письмо читателя, который возмущался, что автор два года как отошел в мир иной и не писал книг, выпущенных ими после.

– Нормально... Как вы говорите... всё идет по плану? И что ответили?

– Ему? Ничего. Они наняли студентов литинститута и те писали под чужим именем продолжения. Ты хочешь такого многотомия? Такой памяти? Да я редактору не позволял окончания менять! Если вкладывал смысл! Если переживал! А сейчас, ради домика в тиши, такие пузыри пускают – ведь плодovitость обеспечивают рабы. Литературные. Если труд свой ценишь в «бумажках» кошелька, то и душа у тебя бумажная, продырявить – пальцем ткнуть! И не заметишь, как хруст их перейдет в хруст твоих косточек – земляца-то – оседает! А ты уже давно труп.

Он указал вниз.

– А если не бумажная... у тебя ни то, что томов – времени на публичность нет – ты хоронишься ее! Всяких фондов, политики, интервью. Страшишься как змеиного укуса! Ну а если ремесленник... Писать надо, умирая с каждой строкой! Каждым мазком на картине! Чтоб ни за какие деньги не повторить! Не печатают! – с веселой издевкой снова повторил Крамаренко и вдруг прищурился, с любопытством глядя Андрею в глаза:

– Да не оттого ли хочешь стать карающей десницей? Что-то наводит меня на крамольную мысль обиды? – Он погрозил ему пальцем. – Так брось! Пиши с единственной целью – менять себя... и думать... об этом же предмете – о себе! Тогда и вопрос о своем «неследовании» исчезнет. И помни, хорошая, толковая книга массовой быть не может! А вот плохая на раз – технологии рекламы позволяют.

– А как же Достоевский?

– А ты спроси у десяти встречных – кто читал? Никто. Слышали, знают, но не читали. Ныне правит суррогат массовости! Так что, пиши, публикуйся в сети и радуйся!

– Радоваться?

– Именно. Что не родился лет тридцать назад, когда писали в стол... буквально!

Видя растерянность молодого человека, мужчина в который раз рассмеялся: – Не тушуйся! Поправимо. Какие годы?.. – и уже серьезно добавил: – Вот тебе и вся роль ли-те-ра-туры! В молитве! А ты – стиль, слог, композиция, жизненность. Переводи стрелку на лекциях и уголька в топку побольше. Э-э... фирштейн что-нибудь? – Он пощелкал пальцами перед застывшим лицом собеседника.

– Так... но зацепило... – уныло ответил тот.

– Высокий показатель! – Крамаренко хлопнул юношу по коленке. – Бывает и похуже, проснешься в луже, птички... одну вещь клюют, а «кыш» сказать не можешь. Эх! Студенческие годы! Короче, не унывай! И хулигань побольше! А мне пора. – Он поднялся.

– Да ведь я вообще-то смотрю дальше книг и полотен.

Слова были сказаны таким тоном, что Крамаренко невольно остановился.

– И не как человек. А вот стать им вижу два пути.

Андрей тоже поднялся.

– Любопытно... С инопланетянами не общался. – Подбородок мужчины ушел чуть вправо, брови поднялись, глаза же остались на собеседнике. – И какие? – Он глянул на часы.

– Не смейтесь. Первый – стараться стать им каждый день, каждую минуту, не понимая, за что обречен бороться со злом от рождения до смерти, да еще с такими потерями... и тогда вся жизнь будет таким шагом. Всего лишь одним. И возможно, только потерями. – Глаза его заблестели. – А можно шагнуть сразу, одномоментно, пусть в неведомое, пусть в бездну... увидев всё и одно-временно. – Нездоровая радость послышалась в интонации. – Посудите сами... человек садится за руль пьяным, рассчитывая, что обойдется. И его расчет верен, ведь не может увидеть, как у тысяч, десятков тысяч людей в мире, в секунду, когда рука пьяного только тянется к двери автомобиля, случай отрывает ноги, разбивает головы, оставляя внутренности на искореженном металле. Как разбрасывает по асфальту части тел жены, ребенка, матери, неосмотрительно поверивших, что обойдется. Его, его жены и ребенка! А если увидит? Хоть раз? Сладко затягиваясь сигаретным дымом, несчастному не углядеть за ним миллионы судорог от боли в эту секунду, не услышать криков обезумевших людей, умирающих от рака. А если увидит?

Что произойдет с гурманом, отдающем всё время забаве как можно изысканней набить желудок и обучая этому других? Что?! Если в момент довольной улыбки увидит всех детей с распухшими от голода животами... умирающих детей? Их миллион в год! Которые не понимая, почему матери мучают их, даже не плачут. Не прочтет, не услышит в новостях, а увидит! Что произойдет с человеком? – Глаза уже горели. – Я знаю. Он вспомнит одно слово – ЧЕЛОВЕК, незнакомое прежде! – Дыхание Андрея стало частым. – Или соблазняя молодую девчонку, стягивая с нее одежду, вдруг увидит как также стягивают ее с других... такие же как он. И этих «других» – до горизонта. А среди них его жена, дочь...

Парень был на грани срыва. Крамаренко, впервые за время беседы, растерялся. Он легко тронул того за плечо:

– Ну... ну же, Андрей... Не все так мрачно. Поверь старику...

Он уже пожалел о половине сказанного сегодня.

– Слово «человек», – прошептал тот, глядя мимо. – Он вспомнит, – голос опять стал громче, – что оно означало до того, как начал пить, жрать и услаждаться... набивать карманы деньгами. Не может не вспомнить! Иначе... иначе... – он снова тяжело задышал, – пусть тот, кто дал мне эту жизнь, заберет ее обратно! Слышите?! Обратно! – Парень глотнул, будто хотел сказать еще что-то, но мысль, та, которая и кладет начало промахам и жертвам, или уводит и хранит нас, сделала сейчас второе.

Андрей замолк. Дыхание выровнялось. Прошла минута.

Наконец, Крамаренко кашлянул и негромко спросил:

– Думаешь, после этого бросит? Делать прежнее?

– Не делать, а позволять себе поднимать руку на таких же, пользуясь, извлекая, растаптывая. Он увидит – рука опускается на него! И растаптывает самого же! – Резко, но уже спокойнее поправил собеседник. – И то не сразу. А вот ненавидеть себя за это, начнет без промедления. Иначе всё зря. Всё!

– Сильно! – мужчина качнул головой. – Прямо пиши в анналы... Ненавидеть... и себя?

– Я неточно выразился.

Андрей повернулся к нему боком, словно стараясь скрыть подступившее к самому горлу отчаяние.

– Не себя, а гниду в себе, мразь. Мема. С той же фамилией, тем же голосом. Неотличимого внешне.

Он снова стоял лицом.

– И бой, схватка начнется. Хотя бы начнется. Потому что шаг тот – сделан. А жизнь останется на другое. На любимых. А пока, сегодня, мем закармливает, спаивает, веселит его, обмахивает опахалом, скрывая за этим опахалом чудовище. Я хочу вырвать у чудовища жало.

Крамаренко вздохнул. Всё, что говорил он, к чему призывал, на что надеялся – осталось без ответа. «Ведь хотел как лучше... к чему такие сложности у молодежи?» – мелькнуло в голове. – Ладно, Андрюша, закончим как-нибудь потом. Пора...

– Да, мне тоже... надо заехать положить обратно письмо... – пробормотал Андрей.

– Ладно, бывай. И все-таки два совета: меньше думай о тех, что до горизонта целуются или грабят, там... и ступай к метро по Малой Никитской – по тенёчку. Помогает от перегрева.

– Никитской? Какой Никитской?

– Такой совет я давал одному чудаку, когда жил в Москве. И чудак тот, – персонаж, рассуждавший о «конюшнях». Если в «чудаки», то и метро в Иркутске найдешь... тут, недалеко. – Мужчина снова рассмеялся и, уже махнув кому-то рукой, направился в сторону кабинета:

– Мариночка, здравствуйте! – Дама в белой кофточке почтительно заулыбалась. – Зайдите ко мне на пару минут. У меня к вам будет наисерьезнейшая просьба.

– Я все-таки хочу посмотреть в глаза... Ему... когда всё и одновременно», – услышал Крамаренко за спиной.

ЖЕНСКИЕ ШАЛОСТИ

– Дорогие дамы... – Тимур Егорович замялся, прикрыл за собой дверь, кашлянул и басовито продолжил: – от математиков вам букет, так как страдаем... не то... – он махнул, переложил пакет в другую руку и, зажав букет под мышкой, вынул из кармана листок:

– Дамам самой женской от самой страдающей кафедры на юбилей, с пожеланиями доброго соседства, коротких юбок и... тьфу, этот Бочкарев напишет, не разобрать... – он поднес бумажку к самым глазам, – и приветливости всем... нет, во всём, – поправился Байтемиров, шестидесятилетний преподаватель «матфакультета», не страдающий в свои годы ничем, кроме смущения перед женским полом. – Лучше бы изощрялся так с гипотезой Брокара, – буркнул он в заключение.

С последними словами все прыснули, а Людочка Толстова, полненькая хохотушка, которую в жизни восхищало буквально всё, громко прокомментировала:

– Тимур Егорович, а когда вы были молодой и не лысенький, как вас осенило, что литература будущее других, и вы подались в математику?

– Я и... никогда не думал... – умышленно растягивая фразу начал гость, соображая, чем должна закончиться реплика, смущаясь всё сильнее и по очереди выкладывая содержимое пакета. – Между прочим, пятница – почесав рукой затылок, объект веселья попытался отвертеться, – могли бы и предложить чего...

– Да, ладно! – перебила Людочка. – Всему универу известно, что вам стало плохо от декольте председателя приемной комиссии филфака! Со страху и двинули в точные... Или потому что в математике нет нравственных проблем?

Кафедра покатила со смеху.

– Людмила! – Байтемиров погрозил пальцем, – оставь перепевы Самсонова, думаешь, не знаю, о чем вы там шепчетесь в перерывах?

– В перерывах между чем, Тимур Егорович? – не унималась та. – И как узнали? Женщины говорят, что уж выто вечера проводите дома!

Хохот был уже слышен в коридоре.

Ирина Сергеевна Ганжа, женщина со склонностью к чтению редких книг, приложив руку к груди, пыталась унять смех.

Елена, будучи заведующей кафедрой, хоть и сдерживала себя до этой минуты, рассмеялась тоже.

– Ладно вам, – желая помочь вконец растерянному мужчине, бросила она. – Человек с поздравлениями... учитывая профиль профессии – на подвиг... можно сказать, а вы? Что ж Самсонова-то не прихватили, Тимур Егорович? – Елена повертела в руках коробку «Рафаэлло», которая покинула пакет в сопровождении двух бутылок шампанского. – Он-то стрелы бы им живо обломал. А, впрочем, передайте большое спасибо, коллегам, ну, и мужчинам тоже. Я правильно понимаю, женщин у вас не появилось?

Веселая шутка смягчила сердце гостя.

– А ему не выпало... бумажку вытянул я...

– Тимур Егорович, – вскрикнула Людочка, – можете не отвечать, только кивните... Идея с бумажками – Самсонова?

Тот пожал плечами.

– Ну, тогда у вас не было вариантов!

– Как же так? Тимур? В который раз! – Ирина Сергеевна, единственная, кто позволял себе называть Байтемирова по имени, развела руками.

Толстова уже стояла рядом с гостем.

– А правда, что ваша тайная мечта написать эссе на тему: «Матриархат – есть женское нахальство, помноженное на слепоту мужчины»?

– Нет! «Филфак как альтернатива унылой жизни»! – Поправил кто-то.

– Капкан холостяков! Точно! – Раздались голоса.

– В том плане, что все мы не замужем? – Галина Андреевна, высокая дама с завидно хорошей фигурой и, больше «правильным», нежели броским лицом, поставила кувшин рядом с орхидеей. Всё происходящее она удостоила традиционной колкостью и качанием головы.

О ней стоило бы сказать поподробнее. Ходила Галина Андреевна всегда выпрямившись, гордо. Так же и сидела. Никто не помнил ее склоненной спины, будь то над столом, мужчиной или сумочкой. Ну а выдержке можно было только завидовать. Чернобровая женщина, чуть даже томной не родовой, а воспитанной надменности, причину которой можно было бы уловить, к примеру, в неких неудачах женского пути, оставалась обманчиво недоступной... но только «недопускаемым» к себе при взвешивании людям. А взвешивать она умела на раз. Уловить столь тонкую причину сможете только вы, читатель, да и то потому, что секунду назад прочли об этом. Среди окружения женщины не нашлось ни одного, кто бы смог понять и, страшно подумать – воспользоваться догадкой. И в обиду мы ее не дадим! Последнего и так хватает нашей героине. Все сходились и винули лишь врожденность. Ну а на нее, родимую, валить не привыкать и нам. Мол, такой уж уродился! Помните? Господина N? Именно так о нас с вами и подумала бы Галина Андреевна, будь мы знакомы. Но вас, дорогие мои, бог избавил, а я уж понесу угрозу дальше. Что поделать? Неблагодарная стезя.

– Мужчина, – Людочка уже прижималась к Байтемирову и гладила его руку, – а чем вы заняты сегодня вечером? Надоел мне ваш Самсонов. И потом... эти манящие намеки на таинственные перерывы...

Смех грянул с новой силой.

– Ну, Людка, допрыгаешься, – освобождаясь от плена, пробормотал тот.

– Ой, помогите допрыгаться Дульсинея, мой Дон Кихот! – женщина достала платок и, сделав шаг назад, помахала гостю.

– Прямо целый спектакль развели, – Байтемиров направился к выходу.

– Не целый, а дробный и вместе! – Толстова проскочила вперед и преградила дорогу, расставив руки в проеме дверей.

– Тимур Егорович! – громко сказала Елена, подойдя к ним с улыбкой, – надеюсь, вы не обиделись? На женские шалости? Ведь никто не балует нас вниманием в этих стенах. Огрубели. – Заведующая, усмехнувшись, глянула на-зад. – А мы действительно рады вас видеть. Особенно тебя, Тимур, – нарушив негласное табу, добавила она. – Ну кто кроме такого мужчины оценит тонкость юмора. Верно я говорю? – И опять повернулась к сотрудницам.

Начальница, Елена Борисовна Метелица – «уютная» женщина, приятная во всех отношениях, как заметил бы любой новый знакомый, не догадываясь, что за очаровательной внешностью, походкой и размеренностью в разговоре, скрывается буря, натиск, а порой и нескрываемое раздражение, была сегодня в хорошем настроении. Хотя правильный прямой нос, горизонт бровей под небрежной пепельной челкой, лишь подчеркивали дистанцию и вызов любому окружению.

Однако, дисциплинированность и разумность были главным достоинством женщины. Тем единственным, что и вложил в единственное чадо отец – Борис Семенович Метелица.

– Тимур, вы лучший! – Ирина Сергеевна, улыбаясь, подошла и поцеловала гостя в щеку. Лицо того расплылось от удовольствия.

– А я все-таки болею томным вечером, – не удержалась Людочка, – и мы приглашаем отметить наш юбилей сегодня в кафе, так?.. – протянула она руку к женщинам, – то самое, у «Художественного».

– Так, так!

Елена, как заведующая кафедрой, просто обязана была сложить пазл до конца:

– Приглашение доставим в письменном виде, так что подготовиться для встречи старшего преподавателя Толстовой время у вас будет.

Под хохот, но уже другого рода, мужчина покинул кабинет.

Вечером в зале бывшего ресторана «Арктика», столь любимого советскими офицерами в прошлом, и вовсе не потому, что русский мороз всегда по-особенному приветлив к подвыпившим лейтенантам, было шумно. Несколько похожих компаний, удобно откинув спины, отмечали примерно одно и то же и примерно одинаково.

– Дамы и господа! Дорогие гости! – симпатичный парень с гитарой появился на маленьком подиуме. – Разрешите от имени музыкальной группы «Плакучая ива» поздравить ваших, и не очень, женщин... с праздником на душе! Ибо прибыли вы к нам! Пойте, смейтесь и танцуйте вместе с нами! Пардон, я хотел сказать «пейте»... а первое вам устроит чудный баритон! Василий Рампов! Встречайте! Все зааплодировали.

Откуда-то сбоку появился невысокий худенький мужичонка, побитый уже годами, в красной бабочке наперекосяк, и низко поклонился. Микрофон при этом издал протяжный вой. В зале засмеялись.

– А «Плакучая ива», эт... из «Бриллиантовой руки»? – раздался чей-то пьяный голос.

– Если вам будет угодно, – снова поклонился Рампов.

– Тогда про «зайцев»!

– Извините, баритон желателен... – А мы нальём!

Зал весело загудел.

Через минуту терпимо монотонный голос озвучивал что-то среднее между ублатнённым историей родины шансоном и незатейливой попсой. Хотя для танцев музыка годилась лишь отчасти, столы значительно поредели.

К знакомой уже нам компании, между тем, добавились Виктор Бочкарев – альпинист, добряк и просто красавец, весельчак Самсонов, а также сравнительно новое лицо – младший научный сотрудник Эдик Птицын. Все уже были под «шафе». Вскоре за столом царил та фаза веселого настроения, в которой мужчины, и не только одинокие, до неловкости долго задерживают взгляд на дамах – ведь поворот головы уже требует усилий.

В нашем случае эту роль взвалил на себя именно Эдик, решив то ли обозначить достоинство места за столом, а, может, и в жизни, то ли с какой иной, ведомой известной половине в известном состоянии целью. Он долго поедал Галину взглядом, а затем подсел, спросив разрешения позже, что было также объяснимо:

– Не возражаете?

Женщина кивнула. В это время Самсонов, поднимая очередной тост, оглядел стол ища поддержки:

– Я маленький тщеславный грызунишка науки... – начал он, но кто-то отвлек его.

– О боже! – Галина демонстративно повернулась к соседу, с досадой глянув на пустой бокал.

– Позвольте представиться, – мигом сориентировался тот, – сравнительно новый мэ-нэ-эс кафедры, Эдуард Птицын. Для вас Эдик.

– Великая честь! Думаете, подниму? – женщина чуть отклонилась и смерила парня взглядом. – А десять галантных слов подряд – не слишком ли много для математика? Простите, я хотела сказать трудно... не слишком трудно для математика?

– А «ирония – оружие незащитных», сказал кто-то из писателей – чуть напрягшись, парировал молодой чело-век. – А слов – одиннадцать.

– Ах, мы даже такие! Способны к тому же связно, – Галина Андреевна подняла брови. – Тогда совет: представляйтесь «Эдуард Орлов»! Успех вероятнее. Впрочем, продолжайте, м.н.с, вы на верном пути... вот только куда... я открою чуть позже.

– Предлагаю выпить за вас – одинокую и таинственную!

Птицын, не чуя мышеловки и полагая, что стадия, в которой он находился, позволяла большего – решил идти напролом.

– Ну, вот это ожидаемо. Примерно так, года три назад, начинал Самсонов. Можете заметить – прогресс налицо, – она кивнула в конец стола. – Сколько на кафедре? Вы ведь пришли сразу за Бочкаревым? С полгода?

– Восемь месяцев... упустил ставку, старшего... так как насчет тоста?

– А был?

– Ну, как же... за вас, – легкое смущение пробежало по лицу Эдика. Напор явно упирался в стену.

– Что ж, спасибо за внимательность! – женщина подняла пустой бокал.

Ухажер покраснел и завращал головой в поиске вина.

– Галина! – раздался позади рык. – Давай налью! – Байтемиров с бутылкой красного игристого и уже маленькими глазками стоял не очень уверенно. – Шо за безобразие, черт возьми! Совсем распустили мужиков... Сами пьют, а вам не наливают! Твое здоровье, королева!

– Ой, замечательный тост! Выпью с удовольствием, Тимур Егорович!

– Да, да, ваше здоровье, – поспешил присоединиться Эдик и, ругнувшись про себя, опрокинул рюмку.

Улыбка довольства не сходила с лица женщины ни на мгновение, пока игристое вино не оставило хрусталь. Было видно, что Галина утолила желание не только выпить.

Птицын последние полчаса налегал на водку, причем уже-таки залихватским образом. Видимо, артподготовка, по его мнению, была позади. Однако предмет кандидатской великого Менделеева славится особым качеством – доводить дело до конца. Именно в тот злосчастный момент Байтемиров отошел, а Эдик уже отчаянно решился на проверенный, как утверждал один из коллег, прием, поднимающий статус на небывалую высоту. Он доверительно наклонился к собеседнице, на что, как ошибочно считал, имеет право, и членораздельно, но важно произнес:

– Галина, вы не читали Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы»?.. – поднятая бровь, как и пауза, должны были «увесить» значимость вопроса. – Малоизвестный прозаик девятнадцатого века, – добавил он. – М-могу уступить... на время. – Незадачливый ухажер улыбнулся, ожидая того же. И не ошибся.

– Милый Эдик, – улыбка показалась парню обворожительной, – я могу вам устроить такие сцены из жизни, которые напрочь затмят вашу ранимую память о Богеме. Кстати, почему у нее такое пафосное имя?

Обалдевший парень уставился на Галину.

– У к-кого? – выдавил, наконец, он.

– Ну, у кого же, у Богемы, эрудит вы наш, – женщина вздохнула. – Вот видите, мой мальчик, как легко клюнуть на крючок. Сегодня вы опять упустили ставку. Видно, слова женского рода – ваша ахиллесова пята. – Галина вдруг рассмеялась, – даже пята, и та женская! Выполняйте! И сторонитесь дам не своего возраста. Правда, один плюс гарантирован – они не замечают конфуза. Вы ищите этот математический знак? Так он в другом – дамы постарше не распространяются о мужских неудачах. Э-э-э? Вы еще реагировать способны?

Она пощелкала пальцами перед его лицом. Эдик вздрогнул. Он на самом деле смотрел уже мимо и обреченно.

– Так вот, если предложенный путь устраивает, пуууть, – повторила Галина, приблизившись к самому лицу соседа, – помните, я обещала его указать? Тогда могу познакомить с одной

интересной блондинкой в годах. Но будьте прагматичнее, берите пример с меня. Я не сложно выражаюсь? О, господи! – Женщина всплеснула рука-ми, – так быстро!

Шок прошел, и молодой человек, приходя в себя, пробормотал:

– Пример? С вас?

– Ну, да, – Галина Андреевна, понимая момент, наклонилась к уху Эдика и прошептала: – скажите, милый, Бочкарев пьет? – И, прежде чем тот снова погрузился в коматозное состояние, быстро уточнила: – я имею в виду, сильно выпивает? Не замечали?

– Что это вы уединились? – неизменно веселый Самсонов буквально вырулил, чтобы не опрокинуть стул напротив. Стараясь отодвинуть его рукой и дважды при этом промахнувшись, он, наконец, сел:

– О чем шепчутся голубки? Помочь? Почему не танцуем даму?

– О прозе и о повторях чужих ошибок, – женщина многозначительно посмотрела на него. – Не вы ли виновник всех тяжких молодого импровизатора?

– Ни в коем случае! – Самсонов постарался придать тону возмущение. – Хм, проза... я люблю детективы! – и подтянув чей-то бокал, тоже выпил.

– С тех самых пор, как надоел приём с Мюрже? Женской половине университета? Так поделитесь с коллегой, – она кивнула на Эдика, – зачем же подставлять? Или подтанцовки важнее?

– В смысле? – Самсонов недоуменно склонил голову.

Вилка с огурцом застыла на полпути.

– Толстой называл детективы подтанцовками у сохи. То есть около серьезной литературы. Берите на вооружение новый прием, дарю – половина зала не слышала даже о сохе!

– Галочка, мне кажется, ты не точна, – сквозь смех почти пропела Толстова с другого конца. Всё это время, развлекаясь, она наблюдала за ними.

– Успокойся, в лабиринтах интеллекта моих рыцарей это замечено не будет. Полагаю, как и твоя осведомленность. Ведь сейчас момент, когда неточности предпочтительны и кажутся гениальными.

– О чем это вы?... – снова напрягся Эдик.

– О чем, о чем... о стилистике, милый Дон Кихот. Только о ней, – с этими словами она весело щелкнула того по носу. – К тому же вас должно радовать, что любовные интрижки переплетаются еще и бумагой. Именно такая форма считается некоторыми съедобной, – она кивнула на Людочку. – Так что, приосаньтесь, вы не одиноки в банальных предпочтениях.

– К-какой бумагой? П-поясните! – не унимался Птицын.

– Ого! Требовательность к истине сильнее алкоголя! Как вам это нравится? По-моему неожиданность вечера! – Галина Андреевна театрально откинулась назад.

– Н-е... – промычал Самсонов. – С детективом понят-но...

– Еще как! Диалоги, коих миллионы, написаны рассказчиком по фамилии «следователь». Заполняешь промежутки томным обсуждением или просто – трусами, нанимаешь редактора и шедевр готов!

– Я н-не о том!

– О подтанцовках?

– О каких п-подтанцовках? – Вмешался Птицын входя в «штопор».

– Да вот, с дамой напротив... не желаете? – она, взяв того двумя пальцами за подборок, повернула голову в сторону Людочки. – Боже мой, до чего заставляют опускаться! До сводничества! – и озорно подмигнула Самсонову.

– Я н-не против, – «мэ-нэ-эс» попытался встать, но Самсонов остановил его.

– Пос-слушай... а Бочкарев пьет? – Эдик посмотрел на коллегу, уже не мигая и забыв куда поднимался. Плод Менделеева довершал своё дело.

– Бочкарев? – Самсонов неуклюже повернулся к залу. – Н-нет, т-танцует!

- Я имею в виду в-вообще?.. – пробормотал Птицын.
 - И вообще... тоже больше танцует, гад. А я, по всей видимости, хорош.
 - Неожиданно точная оценка состояния, – усмехнулась Галина Андреевна.
- Никто не реагировал.

– Я пригласил... разрешите, – почти уверенной походкой, для которой понадобилось всё его мастерство, Самсонов подошел к Толстой. Та нехотя встала и погрозила из-за спины Галине кулаком.

Что отказывать Людочка стеснялась, какого бы качества не было приглашение, стояло не последним в расчетах той. Галина Андреевна проводила пару торжествующим взглядом.

– Ладно, молодые люди, – она поднялась, – добирайтесь до дому сами. На этот раз провозжать не буду! Пока.

– Д-да я з-здесь один!.. – попытался возмутиться Эдик.

– Надо же, заметили! Значит не всё потеряно. А одни, мсье, вы останетесь только через секунду. Адъё! Тот уныло посмотрел ей вслед.

Утро, как и всякое утро после юбилеев, было тяжелым. Самсонов проснулся дома около десяти. Он полежал с минуту, глядя в потолок, и вдруг услышал звон тарелок. Накинув халат, медленно, стараясь вспомнить, кто бы там мог быть, хозяин прошел на кухню. Посуду мыл Бочкарев.

- Уфф... А я думаю кто это?
- Примешь? – Бочкарев указал на полный бокал вина.
- Не... лучше водки.

Самсонов с трудом сделал шаг к холодильнику и открыл его – напротив, в банке с рассолом, понутив голову, плавал одинокий замороженный помидор.

- Так вчера выпили всё, – бросил гость.
- Ё-моё! Придется вина, – проворчал хозяин.
- Да тоже последний бокал.

– Не добивай, – и, залпом осушив остатки, он присел. Тонкие куски колбасы уже чуть приподняли края-крылья, пытаясь взлететь. Примерно о том же мечтал хозяин.

– Это старая нарезка. Я нашел ее в холодильнике, – Бочкарев вытер последнюю тарелку и тоже сел. – Больше ничего не было. Слушай, а ты помнишь этих двух девок... ну, с которыми вчера к тебе ввалились?

– Более менее, – с трудом выговаривая слова и морщась, ответил Самсонов. – А где мы их?.. Зацепили?

– Да где, где... «шлифанули по остановкам», – как ты выразился.

– Успешно? – угрюмо усмехнулся собеседник, вспомнив одного знакомого – любителя таких занятий.

– Тебе знать лучше, я только поддерживал... под руки. Поехал провожать, ну и у школы... – Бочкарев вдруг смутился. – Помнишь, та... которая со мной, по-моему, слишком молодая была? А?

– Что тебя сейчас волнует?! Ты в шкафах смотрел?

– Вроде всё на месте. Мой бумажник точно.

– Да я про водку.

– Не... не смотрел. А волнует, не то слово... противно. Не люблю молодых.

– Да брось... – Самсонов встал и принялся открывать одну дверцу буфета за другой.

– О! Я же нутром чую ее присутствие! Вибрацию! В унисон с моим желанием! – восторженно воскликнул он, доставая бутылку водки. – И крошечка-картошечка, с тушенкой тут же. Как я забыл убрать в холодильник? Живем! – настроение у него поднялось.

– Теплая, после вина... я не буду, – откликнулся гость.

– Послушай, – воодушевленный находкой рассмеялся друг, – плюс два градуса – на улице лужи, а минус три – лёд. Всего-то разницы – пять градусов, а что делают! Поверь, между двадцатью на кухне и моими тридцать шесть и шесть внутри, уфф, – он потрогал лоб, – даже больше... вполне достаточно, чтобы не отказать себе в удовольствии чуть взмахнуть крылами... нет, воспарить! Смотри внимательно! Через три минуты мои ноги оторвутся от пола. – И уже наливая, добавил: – Ты меня, конечно, будешь осуждать, но я выпью.

Он налил полфужера, отставил мизинец в сторону и медленными глотками осушил. Затем, в паузе, занюхал куском бородинского, с удовольствием крикнул и, блаженно опустив веки, еще долго держал хлеб под носом.

– Ну, ты даешь! – Бочкарев покачал головой.

– А вот теперь я к твоим услугам, – Самсонов порозовел, улыбнулся, хрустнул луком и принялся за нарезку. – Что тебя там занимало из вчерашнего? Ну-ка, ну-ка?

Гость посмотрел под ноги:

– Не взлетел, однако.

– Дурак! Я уже прилунился! И ты – лунатик!.. – он неестественно громко засмеялся. – А... вспомнил, тебя волнует чрезмерная молодость!

– Не то слово... – Бочкарев помрачнел. – Может вообще, девчонка. Сейчас черт разберет.

– Боишься ответственности? – ухмыльнулся собеседник. – Да, Галка права, есть, есть плюсы у женщин ее возраста.

– Не боюсь я ничего. Неприятно. Гложет внутри. Она ведь как моя дочь... если не моложе.

– Да дочери-то лет двадцать!

– Семнадцать.

– Ну... и чего ты?

– Тоже чья-то дочь. Противно. Как подумаю, что с ней какой-нибудь козел, также как я...

– Чё тебе до этого? Разведен. Один. Сам себе хозяин. Брось! – Самсонов поднялся. – Я в туалет.

– Не могу. Я ведь ее с толку вчера сбил. Она не хотела... я помню, – тоже вставая, угрюмо бросил вслед Бочкарев. – Это подружка, та, постарше... А молоденькая колебалась. Вот так и прикладываем руку... пропади всё пропадом. А потом удивляемся... откуда они берутся? Себя ведь добиваем.

Дверь в туалет щелкнула.

– С нас, с ублюдков, всё и начинается, – снова пробормотал гость и подошел к окну.

Бочкарев мнил себя человеком без крайностей. Мог разделить любую компанию, но не до «упора». Мог подшутить, но не зло. И хотя ценил порядочность своеобразно, как говорится «в ногу со временем», все-таки старался беречь нервы. Рациональный подход вполне устраивал. Такое время! – успокаивал себя, когда подход удавался. Но сейчас то, что мучило его и терзало, усугублялось выпитым и давней встречей. Яркой, неожиданной. Её звали Лариса.

Её так звали... много лет тому назад, когда занесло его на производство. Он встречался с ней, да что там... не только с ней... был молод и всегда думал о том, о чем следует думать в таком возрасте... Уж в этом парень не сомневался. Но эти встречи! Отношения зашли слишком далеко. Влечение преследовало всюду. Но «рано» – говорила мать, «рано» – советовали друзья и вместе делали своё дело.

Это потом, жалея и вспоминая, он прочитал мысль, которая должна была побороть советы, мысль, которой болел много лет: что любой парень, пусть совсем еще мальчишка, начиная дружить с девушкой – вызывает у нее доверие. Самое простое, искреннее чувство доверия. Почти безграничное, полное. Это чувство рождается у каждой девчонки, девушки и уже никогда – у женщины. Если она искренне хочет видеть тебя. Каждый день ждет этого. Но верит только в первый раз. И первому мужчине. Потом чувство исчезает. Оно убивается

обманом. И спутницей женщины становится лишь надежда. Чудо происходит только в одном случае – если ты ответил тем же. Тогда доверие превращается в брак под Богом. Осеняется, сказал бы священник. Ведь доверие – это почти любовь, а надежда – всего лишь спутница.

Прошли годы. Однажды, уже будучи женатым, Бочкарев вышел из метро... они почти столкнулись.

– О! Привет, – смутившись, но виду не показывая, произнес он. – Как ты? Где?

– Здравствуй, – спокойно ответила она. – Живу. Просто живу. Была замужем. Развелись. Потом снова... и снова развелись. Детей нет.

Больше он не нашелся что спросить...

Чувство вины, которое давным-давно прошло, забылось, вернее, постарался забыть, прогнать, и казалось удачно, посетило его снова. Но зло усмехнулось. Потом, уже уходя сам не свой, после встречи, после неловкого молчания, которое возвращая время и события, взрыло, воскресило в памяти тот эпизод ставший причиной расставания, Бочкарев испытал не просто дискомфорт, а тайный стыд... Узнал он его и сегодня. Будто обман, такой давний, невольный и, казалось, незначительный, превратился в вечное предательство, что не переставало жить в нем, напоминать и усмехаться.

Однажды он предложил ей проделать «это» в кабинете. Они весело разговаривали. Лариса зашла к нему за чем-то. Был уже обеденный перерыв, все разошлись... В общем, ничего особенного. Он так думал. И вдруг она заплакала. Тихонько. Почти молча. Смотрела на него и плакала. Такой реакции молодой человек не ожидал. Ведь у них было «всё». Всё. Женщина поняла, вперед него поняла, что в отношениях она шлюха, хотя отношения эти Бочкарев строил «просто», без обмана. Ведь мнил себя порядочным. И доверие девушки породило ту самую надежду. А с «надеждой» так не поступают.

Тогда до него не дошло. Только растерялся, принялся успокаивать...

Больше они не встречались.

И вот здесь, у метро, он вдруг снова ощутил свою вину, но уже за нечто большее, не только за то, что сделал много лет назад, но и за то, что потерял, за то, что Лариса осталась одна... за всё в ее жизни, которая прошла без него и сложилась «не так». Понял, что любил-то по-настоящему только тогда, но однажды убил. Растоптал. Всё. Просто и легко. Через годы осознал, что растоптал себя. Две жизни. А может и больше. Чего и сколько было потом – уже не имело значения. Имело случившееся тогда. Только. Стало поворотным в судьбе. И вот чтобы не пропустить такой поворот, уже в обратную сторону, он ждал... столько лет ждал... и опять сорвался. Оттого и мучился сейчас. Он снова и снова натякался на знакомую тяжесть в душе – тяжесть, с которой познакомился давным-давно. Даже причину вчерашнего он искал в том дне. Чувство гадкости, мешаясь с сожалением, злило. Так было всякий раз, когда такое случалось. Чувство уходило, давая отвлечься на время, но возвращалось. Обязательно возвращалось. Однажды познакомилось, а потом – напоминало. И всегда – в лоб. Сегодня опять. Бочкарев понял, отчего можно застрелиться.

– Да ты выпей! – Самсонов третьим чутьем уловил, что с другом не ладно. – Выпей, у меня бывало. Тоже неприятно. По той же причине. – Выпей, расскажу.

Бочкарев как-то растерянно, с отчаянием посмотрел на него:

– Было? Точно? Или врешь?

– Не вру... было. Да ты сядь... сядь. Я и сам пожалею... только завтра.

Хозяин взял бутылку:

– Вот опохмелюсь, а через пару недель на пост сяду. Ей богу, сяду, почищу трубы. И тебе советую. Сколько можно... Ну, будем! – и, поймав удивленный взгляд, опрокинул рюмку.

«Плохое», содеянное с кем-то – сближает. Что ж, вместе и умирать легче. Хорошо известное чувство кажется в такие минуты тем спасательным кругом, за который цепляются все. И помогает. Любому известно», – грустно думал Бочкарев, глядя на соседа. Но ему снова не

хватило чуть-чуть, самой малости, чтобы завершить размышления радостью, открытием. Ведь было и отличие. Если память о плохом не меняет оценку, если снова и снова поступок требует участия других, чувство отталкивает и заставляет ненавидеть тех, кто был рядом. Это хорошо знают предатели. Это знакомо тиранам. Всем, кто бережет, скрывает свою режущую, жгущую изнутри правду. Ревнуя к тайне любого. Подозревая, что те догадываются. Наконец, готовы и убить. А меж тем, дано это чувство для жизни. Жить вместе тоже ведь легче. Кто бы ни был тот, другой. Женой, матерью, братом, просто человеком. Каким бы скверным характером не обладал, какие бы проступки не совершил. Легче. Чувство то – действительно спасательный круг, иначе нелюдей было бы гораздо больше – дает жить уже с другой надеждой. Которую не растоптать, не убить и не променять. Которая всегда и рядом. Как жаль, что два друга не понимали этого, хотя один из них был в шаге от правды. К этому дню – дважды.

* * *

Г-н N повернулся на другой бок пятьдесят седьмой раз. Ничего не изменилось. Боль не прошла. Всё оставалось по-прежнему, хотя он точно знал, что двадцать пятого июля тысяча девятьсот семьдесят восьмого года родился первый человек, зачатый искусственным оплодотворением. Это должно было успокаивать. «Значит, было и до меня, шло, приближалось. И тоже скопом. Не я же просмотрел? – подумал он. – Ведь тот же июльский памятный день двадцать девятого года, когда родился Василий Макарович Шукшин, прошел под лозунгом коллективизации. Последнее и сделало его памятным людям. Искренне полагавшим, как и нынешние борцы за справедливость, что идея нова, светла и непорочна.

И Шопен не помог, – вздохнул г-н N, вспомнив слова жены. – Ни тогда, ни сейчас».

ОТЕЦ

– Куда в этот раз?

– В Мичиган, в университет.

– Опять в Америку? – Метелица Борис Семенович стоял, засунув руки в карманы домашнего велюрового пиджака а-ля Шерлок Холмс, который делал грузной и без того «неспортивную» фигуру. Стеганные золоченой нитью лацканы и отороченные рукава намекали на сходство владельца со знаменитым сыщиком, уважай тот русские пельмени.

Отец Елены – невысокий мужчина с гладким округлым лицом и лысой головой, неумная энергия которого не давала жить размеренно не только близким, но и всем, даже шапочно знакомым, имел особую цель для утреннего разговора с дочерью. Однако планов «подступа» не подготовил. Оттого и начал издали.

– Значит Мичиган... ну, ну.

– Двадцать лекций. Неплохие деньги. Да и пообщаться с коллегами.

– Кому там нужна твоя славистика? Двум, трем людям? Или поездки дают результат – уже шести?

– Зря ты так, папа.

– Может быть, может быть, – Борис Семенович задумался. – Только Окуджава даже в Советском Союзе собирал пятнадцать тысяч, а их самый известный поэт Аллен Гинзберг – тридцать человек от силы... да и то половина зала – русская поэтесса Темкина с друзьями. Я правильно цитирую Довлатова?

– Правильно. Но зря. Андрей, вон, тоже читает у нас лекции. Чего только стоит тема: «Абсурдность быта как лейтмотив творчества твоего любимца». Не понимаю.

– Да, там, куда ты едешь, проглотили бы. Ведь не смутили, в свое время, лекции второгодника с семью классами образования?

– Неужели о Бродском?

– Я всегда был уверен, что в альма-матер ты получила не только диплом.

– Папа, главное образование дает жизнь. Это лучший университет!

– Но и в нем полно двоечников! Хочешь примеры?

– Мне неприятны намеки на уровень образованности нобелевского лауреата.

– Ну, еще пустишь во все тяжкие и докажи, что ему это не помешало. Первой не будешь.

– Не помешало.

– Добавляй: получить премию.

– Перестань.

Отец вздохнул.

– Не любим, ох, не любим правду. А Довлатов... что поделать, не равнодушен. Ведь он дал определение современной порядочности, когда человек, делая гадость, хотя бы не испытывает удовольствия. В десяточку! Уличил, уличил лицемеров. – Собираешься не получать удовольствия?

– Временами радоваться, что не делаю гадостей... которые не делаю... тоже временами.

– Самокритичность поражает!

Отец не обратил внимания на реплику:

– Написать об эмиграции ту самую правду, не захлебываясь ненавистью к родине... тоже позволительно не мужеству и не таланту, а лишь писателю. Что, исходя из вышесказанного, представляется важнее. Да и был он просто мужиком, неоценимо, знаешь ли, среди болельщиков, к примеру.

– Бродский тоже не захлебывался. А ты болельщик? Уже?

– Причисляю. Болею за Россию. Ох, как болею. А лекарства кончились... Сдается, еще на Екатерине?

– Ах, боже ж ты мой! О чем ты?

– О Крыме, родная, о Крыме. Предали, бросили. А славу растоптали.

Елена оглядела комнату, ища что-то, затем быстро вышла в прихожую и вернулась с зонтом: – Так не захлебывался, повторяю.

– Ты отстала, моя мысль убежала вперед. Впрочем, согласен. Я говорю о принципе присуждения. Чтобы стать Нобелевским лауреатом русскому, надо крепко не любить власть. Независимо от того – какая. Это к Пастернаку. Западу испокон века не нравилась любая наша, заметь. Так что без промаха. Могу и совсем недавние примеры. Премии дают исключительно единомышленникам, за взгляды. Ну и согражданам. Надо умудриться ими стать. Очень сильно прогнуться! Это, скажем, к Набокову. Да и к вашему Бродскому. Такие вот нехитрые условия. На худой конец – преследуемым. Просто политический инструмент.

– Набоков не стал и... нашему, нашему Бродскому.

– Так уж двенадцать лет как слинял от американцев! Ни за что не дали бы! А Бродский... лет через двадцать посмотришь в сети, а там – «гражданин США». Никто не вспомнит о твоей эрудиции. Они и Чайковского считают великим американским композитором... по опросам. Скоро Гагарина прихватят.

– А как же Шолохов?.. – последнего Елена не слышала – она перебирала вещи в соседней комнате.

– Единственный пример. Или ты к тому, что рано или поздно и в этой фамилии заменят окончание на два «эф»? А Шолохову буквально зубами вырвали... Сам Хрущев занимался. И не делай вид, что для тебя это новость. К тому же, обозначилась оттепель шестидесятых. Отношения завязались... в общем, сошлось... ну и... кинули кость. Как зубами-то скрипели! Здесь было слышно! А ведь Шолохов-то достоин. Точно! Вот скажи-ка, какой вклад Солженицына в мировую литературу? Никакого. Всё, что открыл миру, до него написал Шаламов. Весь ужас лагерей был уже положен на страницы. И не хуже. Я бы даже сказал... поглубже. Но на Западе не печатался, диссидентом не стал. Жил и работал на родине, тут и кончил свои дни. Не подходил на роль героя-борца. Ну никак! Потому как понимал, что бороться-то уже не с чем. Миновало. Просто выполнил долг. Политзаключенных стало не больше, чем у них: ведь всякий зовущий свергнуть власть – и там злостный преступник. А такие у них сидят. Сидя-а-ат! От души и по сей день, как говорится. А вот каков вклад Солженицына в политику? Огромный. Подзуживал. А в последствия такой политики? Гигантский. Так что, дают за взгляды, за взгляды. Не за литературу.

– Тогда напомню, – продолжая упаковывать чемодан, ответила Елена, явно не желая вступать в полемику на эту тему, – именно Довлатов заметил – литературный успех в Америке вовсе не означает коммерческий. А успех у критиков, что и мог предъявить «лишь писатель», как ты его назвал, читабельностью не являлся. В отличие от России.

– И к чему?

Вопрос, казалось, повис в воздухе – дочь была уже в другой комнате. Видя это, Борис Семенович стянул его обратно, для доработки:

– Уж, не к тому ли, что тебя перестали интересовать деньги?

– Увы. Просто в Америке гений может быть еще и богатым.

– Ну, способов погубить дух достаточно... первенства в том не снискали... Литература, по счастью, не атомная бомба.

– Я к тому, что именно у них выбирает не литература тебя, а ты ее. Твори и не сетуй! Свободно, заметь.

– Хе-хе, – отец довольно усмехнулся: дичь была в сетях. – А у нас напротив – только нищий может стать гением. Мы, их страна. Потому как гарантируем главное – неразрывность

понятий до гробовой доски! Зато духовность русская такова, что производит сразу через пять званий – прямо в генералы. Потому как силища оттуда! – Он указал наверх. – А у них с этим – массовый недуг, и как тронут – сразу в омут. Вот скажи мне, почему?

Из соседней комнаты донеслось:

– Не думаешь ли ты, что «неразрывность» – неповторимая ценность для художника? – Лена не расслышала окончания фразы.

– Не просто думаю, а считаю единственным, неотменимым условием, чтоб зваться таким.

– Толстой не голодал, папа... и оставь пафос коллегам. Они мастера не оставлять камня на камне от столь хрупких пирамид.

– Так и звания соответствуют – критик, искусствовед. А Толстой голодал... стонал от голода. Бредил! Пользовался нищетой на сто процентов! Запад тоже этого не поймет. У них под нищетой другое понимают. А Толстой скончался... в поисках хлеба, но в диссиденты не годился. Ну не лез в тот хомут! Не подошел бы, на роль-то... лауреата. – Он помолчал. – И вообще... гениальность – это выдумки потомков. А жива химера – их восторгами. Вон, теория относительности Эйнштейна признана неверной, а за Пруста и Вагнера просто взяться некому – ведь музыки и литературы там нет в помине. Теория хоть безобидна, а эти – обманули. И в привкусе – досада.

– Что ж, жизнь полна недоразумений... и наша не исключение, папа. Кстати, привкус – тот же.

– Не у всех, Лена, не у всех. Думаю у Даниила Гранина и Василя Быкова... досада была от другого.

Дочь посмотрела в сторону зала и покачала головой. Отец сдаваться не хотел:

– Это же глыбы! Титаны! Кто еще смог обозреть Русь... прошлого века? Что? Тоже недостойны? Да Симонову только за «Живые и мертвые» «нобелевку» в трех номинациях можно давать! За нравственность, силу долга и пробуждение человеческого в нас, грешных! У них такого написать просто невозможно – нет примеров! В сытой-то жизни! Потому и номинации отсутствуют. И никогда не будет. Политическим интересам служит премия, как и задумывал основатель, в каких и жил сам. А Симоновы... оказались верны другим, общечеловеческим. Даже в кандидаты попасть не смогли бы.

Борис Семенович снова заходил...

Кстати! – Лене показалось, голос даже повеселел, – заметь, как Союз распался, и бороться стало не с кем, так тридцать лет уж как на Руси писатели рождаться перестали! По их мнению, конечно. Как диссиденты вывелись – так и перестали! – Он заглянул в комнату и с удовлетворением потер руки. – А? Что можете возразить, против такого свидетельства ангажированности премии?! Двойной сути? Как и стандартов?

Елена вздохнула и, не глядя на отца, прошла мимо.

– А вот Америка – сплошные лауреаты! – донеслось вслед. – Прямо вал какой-то! Каждое десятилетие с начала прошлого века по два лауреата, ну, в крайнем случае, по одному! Даже не плодovitость, а конвейер! Такая вот незатейливая забота о своем месте в истории. Ни о чем не говорит? А ты спроси, спроси, когда там будешь-то. Как перенять-то технологию, освоить? – Борис Семенович нахмурился. – А я ответ знаю. Одно место им лизать надо. Вот и вся мораль. – Пальцы хрустнули. – Не умеем кланяться... страна мы не та. Не поляки, там... короче, не европейцы. И по счастью никогда ими не станем. И по счастью, опять же, две трети населения земли в другом месте, а не у них, и будут думать, и возражать, а не следовать и подпевать. Очень надеюсь на это. Ну не может мораль торжествовать там, где юридически разрешена церковь сатаны! А кто не видит этого, предатель. Народа своего...

В зал вошла мать.

– Звонил Андрюша. Сказал, через тридцать минут будет. А у меня пирог поспеет в самый раз. – Она вытерла салфеткой руки и присела.

Елена сделала то же самое. Семья была почти в сборе. Но тишина, та наполненная заботой тишина, которая делает отношения трогательными, оставалась молчанием. Не хватало самой малости, самой чуточки того, что превращает её в нужную, необходимую человеку. Тепла. Оно существовало обособленно, будто выбирая время, когда и с кем войти или к кому прикоснуться. И хотя уже не соединяло отца и мать, но, несомненно, было... у папы и у мамы. Они просто не могли найти точку, затерянную далеко-далеко, если отматывать пленку назад, где тепло оставалось еще нужным обоим, неделимым. Но и совсем близко, если идти к нему со своей дочерью.

Однажды, а такое случается, устав держать их руки, тепло научилось жить обособлено в каждом, сожалея, но не уходя. Но порой, пусть ненадолго, отец, мать и дочь становились такими близкими, что ему не составляло труда коснуться всех, обнять. И тогда происходило чудо. Тепло обращалось в радость. В мамину слезинку, нежный взгляд Лены и добродушную улыбку отца. Тепло помнило все до единого такие мгновения. И не оттого, что всегда хотело быть радостью, просто знало: есть нечто выше и прекраснее чуда – счастье трех родных сердец. Но для этого нужно было вернуться. Туда. В неделимое. И всем.

А пока всякое мгновение по-прежнему кончалось вздохом, ведь приходило, как было сказано, лишь порой, и лишь ненадолго.

Часы на стене отбили шесть пополудни.

– Пойду, закончу... – Елена удалилась.

Галина Николаевна вздохнула и прошла на кухню.

– Да... в поисках хлеба, – Борис Семенович заложил руки за спину и прошелся взад и вперед. – А знаешь, – громко, чтобы дочь услышала, бросил он, – почти все люди считают себя нормальными... То есть не хуже других.

– Думаю, не новость, – ответ подчеркивал и готовность, и решимость отстоять свою точку зрения, что было не просто характером Лены, а унаследованной чертой, с которой так часто борются в своих детях родители, забывая о себе. И это тоже огорчало тепло.

– И почти каждый в жизни считает главным... выставить себя другим в выгодном свете. Коли он не хуже, – услышала она. – А для этого... не только идут на ложь, хвастовство, но и стараются оповестить всех о таких обретениях. Порой, даже по-хамски. И понятно, столько упирались. К примеру, демонстрировать начитанность, хорошие манеры, успешность и так далее. Узнаешь? И ведь на что почву променяли? На тридцать серебренников. – Ответа не было. – Даже одежда служит цели представить себя... подать. – Отец понизил голос. – На это тратятся дни, недели, годы, вся жизнь. Да что там... ни одна минута не проходит без заботы о лжи. Постоянно делать такое трудно, а если еще и воспитание... мучается человек. Ведь цель требует сжигать совесть. Сначала маленькую частичку. Потом больше. Наконец, она замолкает. А он обманывает себя, думая, что так и надо, уже не замечая... Короче, успех – такое магическое заклинание у них.

– Папа, ты говорил об этом Крамаренко, – донеслось из спальни. – Я слышала, с выводами знакома. – Женщина прислушалась: шарканье тапок участилось. «Волнуется, ни к чему это... – мелькнуло в голове. – Надо бы сгладить».

Но зал жил другим:

– И все-таки случается, очень редко, человек понимает, что цель была ложной – маскировка тяжелых недугов души. Начитанностью-то. И останавливается. Или останавливают, как угодно. Что душа поражена у каждого. А недугов много. От очевидных – склонности к алкоголю, краже, обману... к тем же плотским утехам... до скрытых – зависти, старанию выглядеть эрудитом... знатоком, я повторяю. Как этот... твой знакомый... Даже бравируют... Вон, книжонка вышла: «Как прослыть интеллектуалом». Заметь, цель – прослыть, а не стать. Изобретен

новый тип хороших манер. Подмена. Суррогат. Эрзац. Так вот, если человека озаряет, что это болезнь – останавливается.

– Какой знакомый?

– Я к тому, – неожиданно заметил он, – о чем бы мужчина ни говорил с женщиной – он говорит с ней о постели!

– Это к чему?

– А к тому... – отец поколебался. – Если женщина не чувствует дискомфорт от прошлой жизни вне брака – это признак ее профнепригодности. Как матери, жены и хранительницы очага.

– А я чувствую, папа.

– Я не о тебе.

– А я все равно чувствую, – упрямо возразила дочь. – А вообще, это тоже – к стараниям выглядеть эрудитом? – она стояла уже в дверях.

– К ним... уж прости...

Борис Семенович замолчал, мысленно ругая себя за несдержанность, и обдумывая, как в этой ситуации выразить, понятнее определить свою первую мысль. Он прошелся еще раз и, хрустнув недовольно пальцами, произнес:

– И тогда, если останавливают, как ни странно, случается беда – человек видит, что все стремятся на бал пылающих. Всю жизнь.

– Что-то новое, папа. – Елена решила простить.

– Есть, есть такой бал.

– То есть, роскошная шляпа приближала и тебя?

– Несомненно.

– И что же делают, «прозревшие»? И причем здесь беда?

– Ужасаются тому, насколько они мерзки перед Тем, кто вручил им жизнь. И сказал для чего и как нужно прожить ее... как умереть не в позоре... и продолжить путь. Он за возможность сообщить такое – умер, был распят. Вот если сознание ничтожности своей посетило хоть раз человека, оно и спасает его. Прощает всё. А беда, оттого что видит других слепыми. Обще-человеческий подход именно в этом.

– Договорились... ничтожность спасает, – Лена ступила в зал и покачала головой, но тут же вспомнила, что хотела прекратить разговор.

– Значит, всё-таки... рано... Н-да... что ж, не самое худшее в жизни, – заключил мужчина, чем и удивил дочь, которая устало опустила в кресло.

Но в жизни более важные вещи, слова и поступки бывают обманчивы, что и случилось сейчас.

Борис Семенович молчал недолго:

– А к чему сошлись мы в этот край, от Балтики до океана... забыли.

– Ради того же подхода, помню.

– Так то и есть «общечеловечность» русского, о которой говорил Достоевский в «пушкинской» речи!

– Душа нараспашку, папа? – стараясь говорить мягче, заметила дочь.

– Да, именно нараспашку! Только мы такие! Нараспашку перед всем миром, перед любой нацией. Потому и немцы учились в наших академиях, еще в сорок первом. Потому и деньги раздаем по всему миру – они для нас ничто! Здесь не только просчет! Здесь черта, «русскость»! Вера! Рвение, и желание... помочь и разделить! И всегда – до конца, до потемнения разума! Наша рука всегда была протянута с радостью, а у других – за деньгами! Вот какая вера оболгана! Какой человек забыт! Вот какой силищей можно манипулировать! Целых сто лет! – Он снова быстро заходил по комнате.

Елена поднялась, что-то вспомнив, но передумала. Не раз она видела и слышала подобное, но сегодня... завтра был день ее именин, поэтому сдержалась. Стоило это многого.

Однако Борис Семенович решил закончить:

– И вот это-то ушло из вас! – палец, упершись было в нее, описал полукруг и указал в окно. – Из таких как вы! Западники! Тургенев и мечтать не мог о таком массовом предательстве! Да не в предпочтениях зло, то и двести лет назад уже было, Петруша поработал на славу!.. то есть... на беду... а в том, что разменяли дары преосвященные! Глухи стали к литургии духа-то русского! К почве! Что и было предназначением! Пред-наз-наче-нием! Ведь у всякой мухи есть оно, даже у камня! Потому и «спасительность» России перед миром зашаталась! А в чем оно сейчас?! Вот скажи! В подъеме экономики, искоренения коррупции, заботе о простых людях – вот ваш бред. Бре-е-д! Заботиться надо о душе! Искоренять – тщедушные! А поднимать нравственность... власти, фильмов и литературы! К любому глаголу брошенному в народ, приписывать ее.

Лоб мужчины вспотел, щеки покраснели, частое дыхание выдавало нездоровье сердца.

– Это они перепутали – запад, а вы – предали! Англосаксам положено производить, итальянцам и грекам – выращивать, полякам строить суда... Да, да, строили, пока Евросоюз не отобрал, так же, как у Греции – крупнейший в Европе торговый флот, – заметив удивление, уточнил он. – А Южной Америке – танцевать и пить кофе – вот их предназначения! – Что же нам?

– А нам... нам – размышлять! За всех. Это мы умеем лучше других! И не случайно! Такое разделение труда устроено свыше! В том и един мир... как Адам один! Как уху нужен ещё и глаз. Условием гармонии. А затыкать и закрывать их – преступление перед Всевышним! Непонимание этого – нижайшая точка падения общества, идей, концепций!

– Леночка, ах ну что ж вы, боже ты мой! – мать снова зашла в зал. – Ну и мне уж терпеть мочи-то нет. Успокойтесь, пожалуйста соседей.

– Да я, мама, давно молчу, – дочь сидела в кресле, опустив голову.

– Я уже тоже, Галя... – отец медленно прилёг на диван.

Прошло около минуты. Эту минуту Борис Семенович размышлял, стоит ли продолжать, точнее, сказать то, ради чего и затеял весь этот разговор. Разговор, который незаметно увлек, утянул его в совершенно другое, лишив важности главное, обязательное. А что оно было именно таким, мужчина решил еще вчера... и готовился... и растерял. А сейчас нужно было исправлять. Выбираться из ямы, куда загнал себя сам. Из эмоций дочери, которые разжег тоже сам, отягощая усталость, написанную на ее лице. Но деваться было некуда, и он тихо начал:

– Понимаешь, Лена, что-то у вас с Андреем не выходит... – Борис Семенович поднялся, отошел к окну, притронулся к занавеске и, будто читая ее мысли, вздохнул.

– Не надо папа.

Елена, задумавшись, просматривала лист бумаги. Точнее, делала вид.

– Я знаю...

Он помолчал.

– Да что-то подсказывает мою вину в этом.

– Оставим... тем более, ты не прав.

– В последнем? – отец вернулся.

– Да, – Лена тоже встала, собираясь уйти.

Борис Семенович положил руку на ее плечо.

– Не обижайся. Мне и самому неприятно огорчать тебя разговором... да еще после... Забудь, прошу, о чем говорил только что...

Он опять умолк. Было слышно, как секундная стрелка часов на стене соглашалась с ним: так-так-так.

– Знаешь, есть вещи, которые запоминаются на всю жизнь, – голос стал совсем тихим, – однажды в молодости я увидел скульптуру Родена «Любовь убегает». Точнее, наброски к ней. – Руки привычно опустились в карманы пиджака. – Удивительная штука жизнь... лишь через много лет я рассмотрел в набросках полноту отчаяния. Всю. И остался бы обделен, не будь в лирике Льва Болдова стихотворения на шедевр Родена... с таким же названием. Оба этой полнотой жили, разговаривали с ней... а она отвечала. Оба одинаково понимали, но, как оказалось, поодиночке не могли передать ее мне... всю, – взгляд остановился на картине напротив. – Я открыл для себя закон: человеку, чтобы увидеть талант художника, нужен кроме самого художника еще кто-то. Третья составляющая. Неважно дадут или найдется в себе самом. Но это и будет полнота. Та, настоящая...

– Угадаю конец мысли, – грустно заметила дочь, – нам с Андреем не хватает наставника? И это – ты? А я-то думала Андрею таланта и своего... – она отвернулась.

– В вашей ситуации не хватает, прости, тебе. А третьим, мне кажется... должен быть ребенок.

Елена оставалась неподвижной.

– Доча, послушай...

Она удивленно посмотрела на него. Отец впервые за много лет назвал ее так.

– Прости и выслушай меня...

Он обнял дорогое ему существо. Лена не отстранилась. Что-то трогательное из того, далекого детства, подступило к ней. Да и к трем одиноким людям.

Мать, которая слышала всё, смахнула слезу.

– Отвлекись. Я хочу кое-что рассказать тебе.

Отец погладил ее волосы.

– Отвлекись, родная... и присядь.

Диван уже без усталости, по-доброму скрипнул.

– Когда тебе было семь лет, а сам я не намного старше тебя сегодня, бабушка попросила поставить фильм «Комсомольцы-добровольцы»... времен ее молодости. В гостях у нас была Полина. Вы тихонько пристроились в углу и смотрели тоже. Никто бы ничего и не заметил, если бы не всхлипывания. Бабушка рассказывала, что вы плакали. Потом спрашивали, кто такие... комсомольцы. Говорили, что хотите быть такими же. Поразительно. Даже не слыша, не сталкиваясь с авторитарностью, на которую списаны все мыслимые беды человечества, не зная искаженной лидерами морали, вы увидели в картине то, чему никто не может помешать быть видимым. Если таковым его сделал автор. Через десятилетия художник донес свое сердце в точное по времени и месту событие. Оно отозвалось стуку ваших сердец. Почему такое возможно? Почему человек, о котором вы никогда и не услышите, был способен на такое? Среди смерти и горя? Ведь это не подвиг. Авторы были награждены тираном. И имели все блага. Ответ на вопрос я нашел много лет спустя... В поступках. Чем напористей зло сеет беды и горечь, тем настойчивее человек ищет другое, противное злу. Ибо изначально в нём существует только то... другое. Это у тебя впереди... – он споткнулся, сожалея об оговорке, – а зло – непрощенный гость. Стучащий, ломающий, рвущий нас. Но сколько бы ни рушило всё вокруг оно, сколько бы ни сеяло... Вовнутрь, в сердце к человеку ему не попасть, пока нет на то воли твоей. Упирается зло в стену. И те, кто не пустил, могут жить среди хаоса и смерти... среди тиранов, рядом с несчастными, сделавшими иной выбор. Полноценно жить! И прожить лучше, чем без ежедневного зла! Пример тому – Занусси. Тот же Шолохов, Распутин... А Бондарчук? Уже его «Война» и его «Мир»! – Борис Семенович поднял руки к потолку. – Вот где сходятся беда и чудо. Непостижимое чудо незаметного торжества... над бедой-то!

Лена сидела молча. Что-то подступило, поднялось к горлу. Ей вдруг захотелось стать маленькой-маленькой, как когда-то давным-давно. Перестать быть главной над кем-то и где-то.

Есть мороженное, бегать в кино с подругами, дразнить мальчишек. Захотелось жить. Просто улыбаясь, просто радостью, которую неизменно и предательски крадут заботы.

– Так вот, – отец, почувствовал это и погладил ее снова. – В поступках героев не было никакой идеи. Были душа, человек и его мораль. Просто мораль та вызвала действия, которые по совпадению защищали не только человека, но и одно зло от другого. Потому как мораль! А вот показать это – уже талант. За что боролись, кого защищали – всё осталось позади, за кадром. Полагали, что зритель и так знает. Сейчас бы сказали – идеологический просчет. Раз тронул вас. Тронул не то будущее, на которое рассчитывало зло. – Он сглотнул, сдерживаясь. – Получается, при любом тиране настоящий талант вырастает невероятно. А тирания – такое же препятствие, как и помощь. Некий эквивалент безденежью, безвестности. То есть несущественное, но существующее. Преодолимая необходимость. Более того, радость, как и ребенка – без страданий не получить. Я и творчество имею в виду. Но и полученное умрет, если уйдут страдания.

– Значит, без страданий радость умирает?! – Лена подняла голову.

– Да. Без страданий радость мертва. Беда – живая вода. Подозреваю, что пользы от нее гораздо больше, нежели вреда. Вот такой парадокс. Другими словами, талант всегда свободен именно на ту степень, которая ему желанна... необходима. Не будь пресса, особо не надрывался бы. Рваться ему надо, рваться. А в мире благополучия... там, – он кивнул в сторону, – куда собралась ты, талант к другому применению толкают. Бульдозером. Клещами тащат. – Отец выпрямился, посмотрел в окно и вдруг тихо добавил: – А Андрей талантлив. Я знаю.

– Я тоже, папа, – задумчиво ответила Лена. Так же, как то, что завтра у меня именины. – Она улыбнулась. – Интересно, кому бы ты всё это рассказывал, не будь у тебя такой дочери.

– Тогда уж скажу: ты не спала с гением, ты его терпела. И эта милость награждаема!

– Замечательно папа. Спасибо.

Она поцеловала отца, и прижала щеку к его плечу.

Пробило семь. Андрея не было. Где он – догадывался только Борис Семенович.

В кабинете мужа, у маленького письменного стола, Елена Борисовна, задумавшись, просидела около получаса. Она позволяла себе бывать здесь. В голову приходили мысли, которые ни в коей мере не могли помочь ей. Более того, их источала та область сознания, которая должна была быть исключенной в эти минуты. Наконец, хотя бы притвориться спящей после разговора с отцом. Так ей казалось. Того она желала. Женщина пыталась искать ответ в другом сознании, в другомприятии действительности. Но не находила не только такого приятия и сознания, но и само существование их выражалось уже в новом сомнении, побороть которое она была не в силах. Застывший взгляд, падая на стол перед нею, обычно не чувствовал предметов на нем, проходя насквозь. Удивленная стопка бумаг, небрежно оставленные книги не останавливали его, а те, привыкшие ко вниманию – лишь провожали взгляд долгим молчанием, понимая, что так и нужно. Но, касаясь книг, проходя через страницы, взгляд переставал быть собой, становился чем-то другим. Отдаляясь от глаз, век Елены, открытых только затем, чтоб не дать появиться неизбежной темноте перед нею, он сканировал другое содержимое, лежащее глубже страниц – в душе авторов. Только при этом условии она могла думать, сопоставлять факты, делать выводы и чувствовать жизнь.

Но сегодня взгляд упирался, оставаясь самим собой. Не проникал. И, находясь в полудремотном состоянии, подспудно чувствуя пользу от бессилия обдумывать свои действия, она машинально стала двигать туда-сюда какую-то книгу в странном переплете. Впрочем, странным сегодня Лене казалось всё. Невольно присмотревшись, женщина прочла: «Анна Каренина». «Роман о том, как Толстой стал христианином», – вспомнила она слова Андрея. Так же машинально раскрыв, скорее интересуясь, зачем книга понадобилась мужу, она начала читать:

«Анна ожидала любой реакции мужа. Она готова была принять и простить ему самые резкие, самые безжалостные выражения. Хуже, чудовищней той оценки, которую она давала себе сама, просто не могло быть. Прекрасно помня едва различимую насмешливость тона супруга, который абсолютно не замечали не только гости и просто знакомые, но даже прислуга, что ежедневно могла видеть сокрытое от глаз, Анна была готова сейчас принять ее и в открытой форме. Лишь бы видеть конец».

«Неужели... конец?» – подумала Елена и закрыла книгу.

На другой день и тоже вечером, когда семейство уже час как сидело за столом, когда отзвучало несколько тостов, бабушка наклонилась к Лене и тихо сказала:

– Какая ты стала взрослая. А мне всё снится море. То море, помнишь? Каждый год. Как купала тебя в тазике, как спускались на набережную, покататься на лошадках. Я давала тебе пятнадцать копеек, и ты бежала вперед... не могла утерпеть. А в автобусе, однажды, глядя на море, прочитала стихи: «Красота, красота, мы везем с собой кота...» – для себя, не замечая удивленных взглядов. Да... если бы мы умели восхищаться как в детстве. Из воды-то было не вы-тащить... нахлебаешься, замерзнешь, синяя вся, а сидишь. Тогда и болеть перестала. – Бабушка ласково погладила ее руку. Лена ответила тем же. – А помнишь, мы купили браслет? С ракушками? Ты хранила его... что-то не вижу, последнее время.

– На твоём старом трюме... которое ты оставила маме – дома снимаю. А так ношу постоянно. Все удивляются... ведь выглядит совсем недорого.

– Если бы мы знали, что дорого, а что старается выглядеть так... – задумчиво улыбнулась та.

Бабушка Лены от совета ветеранов имела одно деликатное поручение – поздравлять с днем рождения тех самых ветеранов. Деликатность заключалась в том, что раз в несколько дней она слышала по телефону: «Простите... он умер». Тяжелая весть, возвращала ее к себе, задевала за живое и причиняла такую же боль, какую напоминанием, только что, сама заставила пережить и людей на другом конце провода. А ведь нужно было еще что-то сказать, успокоить.

«Да, бабушка, и работа у тебя», – вздыхала Лена, когда становилась невольным свидетелем. «Это ей зачтется», – замечал отец, если тема, а такое случалось порой, всплывала, чтобы напомнить о совершенно ином в немного странной, но обманчиво понятной и размеренной жизни семьи.

– Господа! – прервал ее раздумья Роман Аркадьевич, немолодой мужчина, которого виновница вечера усадила напротив отца.

– Кто это, Леночка?

– Владелец сети магазинов, мой спонсор, бабуля.

Гость не оказался лишним, за что поначалу переживала мать. Он быстро освоился и непринужденно беседовал с Борисом Семеновичем о планах, поездках, перемежая их веселыми историями.

– Господа и дамы! – повторил он. – Не буду оригинальным, да и не боюсь этого, если пожелаю Елене Борисовне успехов в нелегкой работе с таким малопознанным объектом, как женщины! Однако, кроме коллектива и литературы она занимается еще одним прекрасным делом. Думаю, сообщение о скромном подарке для её фонда сегодня не повредит. За вас! – он обошел стол и, чокнувшись с Еленой, вручил лист бумаги. – Прочтете потом, а сейчас требую выпить.

Гости одобрительно загудели и всё пошло своим чередом. Полина с мужем и еще две немолодые женщины хотя и сетовали на школьные неприятности детей и внуков, только оттеняли семейный характер вечера.

Своим чередом идти минутам удалось бы и дальше, если бы идилию не нарушал решительный тон хозяина, который отвечал что-то сидящему напротив. Тот спокойно кивал, затем тихо, но твердо возразил. Лена прислушалась.

– А всякому произведению свой срок, – голос отца тоже был спокоен. – Онегин постарел, не в «героях» нынче. И Печорин. А, к примеру, комедия «Горе от ума» – указательный палец хозяина уперся в соседа, – да, да, та самая, – он быстро встал, скрылся в соседней комнате и вернулся с синей книжицей в руке. – Брал сегодня, на лекцию, – присаживаясь, добавил он, словно оправдывая ловкость, с которой та была найдена, – только представьте, всеми критиками, без исключения, во все времена признавалась образцовой. Образцовой! Не устарела... понимаете?! А как удачно забыли! И стих, и слог, и ум, и точность, а главное – совесть. Неизменное попадание в десятку! Рифмой! «А ну, попробуй, продержи тонус по всем страницам!» – сказал Лев Толстой. Многие отказываются узнавать себя и сейчас! Вот причина «забывчивости».

– Папа, по-моему, Толстой такого не говорил, – деликатно вмешалась Лена. – Во всяком случае, по этому поводу.

– А ты почему знаешь? Что мы вообще знаем. Только вот это! – он потряс книгой. – Только чей-то умысел, положенный на бумагу. – Борис Семенович рубанул рукой, не скрывая, что секунду назад его состояние было другим. – К тому же, написал ее не просто православный, а истинно русский, по происхождению! Не шотландец, не кровей арабских гений, а русский. Уникальность в отечественной поэзии удивительная! «Светает! Ах! Как скоро ночь минула!», «Счастливые часов не наблюдают!», «Свежо предание, а вериться с трудом», «Блажен, кто верует...» – знакомо? – Он торжествующе оглядел и остальных, которых также привлек разговор. – Там еще с дюжину. Попробуйте найти аналоги. Даже у Булгакова на порядок меньше. А растаскано – двести лет назад. И живет! Вдумайтесь! До сих пор на слуху! Ведь написано до «Онегина», до Печорина. Вот сколько живет душа поэта! Умы веками потрясая! Прекрасно выразил мысль один мой знакомый, некий Дмитрий Сергеевич Одинцов, из Ялты, странного, между прочим, образа мысли человек: «После Грибоедова или писать стихи лучше, или не писать вообще!». Кстати, Пушкин это прекрасно пони-мал. – Он убрал книжку за спину. – К тому же, Грибоедов принял мученическую, страшную смерть за веру. Три дня фанатики таскали по Тегерану обезображенное тело поэта. Это не по молодости нарваться на пулю дуэлянта... Эт брат за отечество, за Русь!

– Да вы славянофил, Борис Семенович! – воскликнул Роман Аркадьевич. – Браво! Браво!

– Да нет, просто я считаю русскую идею наднациональной. Пригодной каждому гражданину империи.

– Вот даже как? Империи?

– Именно.

– И конечно, для общего блага, – добродушный сарказм выдал Романа Аркадьевича.

– Увы, хочу заметить, всякая деятельность для «общего блага» – есть недостаток чего-то в человеке.

– То есть мы – те, кто и создает вам удобства таким недостатком? – глаза собеседника блеснули, он откинулся на спинку и, бравирова найденным сравнением, посмотрел на хозяина чуть свысока. – Лукавим? Тогда мы ли одни? А наши правозащитники тоже ущербны? За то же бьются.

– Несомненно, ущербны. Чем больше я узнаю «борцов», тем больше убеждаюсь – не сердцем, а разумом они были приведены к идее. Умом рассудили, что заниматься этим не только хорошо, но и выгодно, а ряды стали расти как на дрожжах. Но к сердцу, повторяю, к их сердцу рассуждения о благе народном не ближе, чем разговор о выборе места для отдыха или очередного авто. Который и происходит в очередном ресторане... так что, простите.

– Да вы не представляете, как не правы! – в сердцах воскликнул собеседник.

Елена напряглась.

– Не я, батенька, не я. Вы собрались поправить Льва Толстого. Анна Каренина. Всего лишь цитирую. Правда, вместо авто и ресторанов – там шахматная партия и очередное нов-

шество. Да-с, – он усмехнулся, – а вы, быюсь об заклад, уверены, что это роман о несчастной женщине? Должен огорчить – он о том, как автор стал христианином. – Елена вздрогнула. – Последние тридцать страниц... рекомендую.

Ошеломленный собеседник покраснел, замолчал и, собираясь с мыслями, начал ковырять вилкой салат.

Роман Аркадьевич, импозантный лохотонный мужчина имел один недостаток – его голова поворачивалась слишком резко и всегда, как у филина. Будто стараясь поймать насмешливый взгляд, который прятался у кого-то из компании. Будто кто-то понял и «раздел» его. Так, наверное, мужчине казалось. Отчего? – спросите вы. От страха, от страха, дорогой читатель.

Эта привычка, простираясь в разговорах с подчиненными, сыграла плохую роль сегодня – собеседником оказался Борис Семенович. Он сразу понял причину, и движение начало его раздражать.

Меж тем, гость оставил салат и с досадой произнес:

– Если не благо общее... что, если не секрет ближе к сердцу?

– Свое, свое благо. Оно – это забота о себе, о тех, кто рядом. Поверьте, вокруг пустых мест нет. Вы создали их сами или пока забронировали... для общих идей. И вдруг вас раздели.

Роман Аркадьевич замер.

– Вот пожилую мать очень удобно любить вообще. Особенно издали. А рядом – надо терпеть жалобы на болезни, утомительные разговоры, неодобрение поступков, хотя понимаешь, что та неправа. Раздражение, гнев... порой, оскорбления. С возрастом многое меняется. Я уж избегаю худших примеров. Еще рядом брат, сестра, которых лучше тоже любить по переписке. А ребенок? Ваши переживания, срывы и крики можно заменить няней и полюбить его потом... вечером – после забот о благе общем. Думаю, продолжать не надо. И всё это отдаление от сердца, уменьшение блага в себе. Чистая разумность. Не то, что в груди. А сколько бед в истории принесла забота о чьем-то благе и где-то. Далеко-далеко, за морями. Куда и сыпались вслед той заботы бомбы. Давайте заботится о своем. Поверьте, времени на общее не останется.

Только не путайте «свое» с «благополучием».

Роман Аркадьевич облегченно вздохнул.

Лена успокоилась и повернулась к бабушке:

– Тебе что-нибудь положить?

– Холодца, Леночка, если можно, маленький кусочек, – бабушка подвинула тарелку. – Умеет мама готовить, дай бог ей здоровья. А ты его раньше не любила... помню куксилась, когда подавали.

– Да я и сейчас не очень, – ответила именинница и наклонилась, выбирая порцию поменьше. – Я тебе еще горчишки положу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.